

МУНИЦИПАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА г. ТОМСКА
МУНИЦИПАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
«ФЛАМИНГО»

Народы Томской области

Дайджест

Томск 2004

СОДЕРЖАНИЕ

Кто есть кто среди коренных жителей края.....	4
Селькупы	4
Нарымские шаманы.....	11
Ханты.....	12
Чулымцы.....	16
Эвенки.....	18
Домашние ремесла коренных народов Западной Сибири.....	23
Сибирские «ниндзя».....	25
Празднование Нового года у коренных жителей края.....	26
Томские татары.....	27
Русские сибиряки	33
Список использованной литературы	39

Уважаемые читатели!

В последнее время увеличивается интерес к прошлому, к народам, населявшим наш край, к его культуре и обычаям. Предлагаем вашему вниманию дайджест, посвященный коренным жителям нашей области.

В данном дайджесте представлены статьи и материалы преимущественно из местной периодической печати, данные из Интернета, а также из книг по истории края.

Каждый фрагмент, извлеченный из текста, сопровождается ссылкой на описание документа в целом. В конце дайджеста дан список использованной литературы.

Дайджест рекомендуется учащимся, студентам, а также широкому кругу читателей, интересующихся данной темой.

Кто есть кто среди коренных жителей края

Почти 400 лет назад от Сургута вверх по Оби поплыли струги с первыми русскими людьми. Они поднялись до устья Томи, вошли в нее и на берегу этой реки основали Томский острог. Отсюда пошло название нашей области. В ее северных районах и сейчас живут потомки древнего местного населения. На каком языке оно говорит – этого первые русские, конечно, не знали. Они видели только, что народ этот занимается охотой да рыбалкой и обликом похож на жителей у Сургута. А те называли себя Ас-ях, т.е. «обской народ». В русской речи это звучит как «остяк». И стали называть местных жителей Нарымского края тоже остяками. Слыли они и за «ясашных» (платили дань – ясак – царю), и за «инородцев». Постепенно ко всем этим названиям люди привыкли.

В 30-х годах некоторые народы нашей страны получили новые названия. Но не зря говорят, что новое – это хорошо забытое старое. И в нашем случае узаконены были самые старые названия – те, которыми народ именовал себя на своем языке, т.е. самоназвания. «Ханты» происходит от самоназвания «кантах, хантэ», а «селькупы» – от «сёлькуп». Но дело в том, что сёлькуп – это самоназвание только одного из племен Нарымского края. Лет 300 назад оно перекочевало отсюда на север, на реки Таз и Турухан. А здесь остались жить другие племена: чумыль-куп, сюсюкуп, шоешкуп. Их потомки не хотят иногда признавать за собой официальное название «селькуп». Им ближе и роднее кажется название «остяк», тем более, что в документах они бываю записаны именно так.

Нужно вспомнить и об эвенках, которых раньше называли тунгусами. И о карагасах, известных также под названиями: ясашные, инородцы, чулымские татары. До сих пор тайна его происхождения так и не разгадана. Небольшой народ под таким же названием живет на Саянах. С 1930 года его официально называют тофалары. Карагасы нашей области имеют право называться тофаларами, как остяки – селькупами и хантами, а тунгусы – эвенками.

Н. Лукина

//Северная звезда. -1990.-29 марта.- С. 5

Селькупы

Татары, селькупы, эвенки и другие народы – аборигены томской земли. Их предки пришли сюда тысячелетия назад, разведали и освоили эти суровые земли, накопили знания о природе и выработали навыки выживания в экстремальных природных условиях, сумели создать яркие и самобытные культуры. Их корни, их надежды на будущее связаны только с этими и никакими другими краями. Это народы Севера. Им сейчас нелегко.

В тайге умирает народ... Да, в западносибирской тайге погибает целый народ. Как этнос. Вместе с этносом исчезает древняя самобытная культура, обедняя все человечество. Речь идет о селькупах — исконных хозяевах томской земли. Селькупы (известные еще под названиями остяки-самоеды и нарымские остяки) относятся к самодийской ветви уральской языковой семьи, южной её группе. Считают, что прародина селькупов Алтае-Саянское нагорье.

Основные занятия селькупов — охота, рыболовство, ореховый промысел. Главным является добыча рыбы. Промысел начинается с половины мая и до февраля — начала марта до так называемого «замора» рыбы. При вскрытии рек по Оби из Обской губы поднимаются осетр, стерлядь, нельма, язь, налим, муксун. На притоках Оби добывают местные породы рыб: щуку, окуня, чебака. Летом идет рыбалка в «сорах» — по заливным лугам, в озерах (карась), протоках — сетями, режовками или сплошными заграждениями из сосновых дранок (запоры). Из плетеных снастей применяются корчаги или «морды». В

осенние ночи промышляют селькупы рыбу «лученьем», с помощью остроги.

Вторым по значимости промыслом является звероловство. Охотятся на медведя, лося, росомаху, лисицу, выдру, белку, бурундука, зайца и осенью — на соболя. Наибольшее промысловое значение имеет белка. Охотой занимаются с начала зимы до апреля. Орудия промысла, кроме ружья, — лук ручной, лук сторожевой и целая серия ловушек: чиркан, кляруп, плашка.

Третий по важности — ореховый промысел. В урожайные годы орехов добывают пудов по 20-30 на семью. Шишки сбивает «боец», который лезет на кедр с деревянным молотом-колотушкой. Шишки тут же шелушат деревянным вальком с рубцами и просеивают через особое решето — ящик из узких деревянных пластинок.

Жилища селькупов можно разделить на три категории по их форме и назначению: зимние юрты, летние берестяные чумы и временные односкатные балаганы, покрытые берестой. Бревенчатая зимняя юрта представляет собой четырех, редко — пятистенную избушку, метров 5х5 и высотой рядов 7-9. Материалом для стен служит сосна. Причем с фасада два ряда выступают вперед около метра, сторона обшивается тесом, так что получается род чуланчика. Окно одно или два. Крыша двускатная, крыта драницей, поверх которой стелют бересту, ее приготавливают особо — варят в воде для мягкости и сшивания, прикрывают другим рядом дранки, но более толстым. Пол дощатый или земляной. Очаг помещается справа или слева от двери. Двери обращены на юг и на восток, но если селькупы переселяются на новое место, то обращают двери в сторону старого поселения.

Летом жилищем служит конусообразный берестяной или кожаный чум. Со стороны двери дымовое отверстие спускается мысом книзу.

Дальнюю половину занимают мужчины. Посредине спят отец и мать, за отцом к стене — сыновья, а за матерью к двери — дочери. По другую сторону спят гости.

У стены против двери ставятся посуда, пища. В юрте нары по стенам разделены перегородками на отделения. Если есть молодая чета, то она живет ближе всего к двери.

Вся домашняя обстановка определяется окружающей природой. Мебель, посуду изготавливают из дерева, корневищ, бересты, коры, травы... Легкие упрощенные сани, промысловые нарты, лодки и все орудия промысла — исключительно из разных частей и пород деревьев. Из этого же материала чашки, ложки, корыта и простая домашняя утварь. Особенного внимания заслуживают изделия из бересты: небольшие короба, кузовки, нередко украшенные различной резьбой. В юртах можно увидеть некоторые предметы домашнего обихода, например, костяное долото для обработки лодок.

Главная пища — мясо оленя, лося, медведя. В не меньшей степени в ходу рыба. Растения являются только лишь случайной пищей и специально их не собирают, кроме иван-чая, идущего вместо напитка. Остальные растения: лук, морошка, брусника, голубика и другие, — идут в пищу в сыром виде. Хлеб — нянь — получают исключительно от русских и употребляют в сравнительно небольшом количестве. Хлеб пекут на дрожжах и соде, в костре на доске. Едят рыбный пирог — хулнянь. Пекут пироги с мясом, причем летом мешают мясо с ягодами.

Единственным способом приготовления пищи является варка ее, но мясо оленя едят и сырым, макая его в подсоленную кровь. Когда убивают оленя, ноги, окорочка и печень едят тотчас же в сыром виде, если достаточно много народу. Из отдельных частей животного женщине нельзя есть голову и сердце лося, а голову и сердце, медведя нельзя есть никому — эти части считаются священными, и с ними поступают особо. Голову медведя, носовую кость лося вешают на дереве. Кости бросать нельзя на землю. В варку идет грудная кость, спинной хребет, ребра. Из способов сохранения мяса известно лишь сушение в хорошую погоду на солнце и в плохую — над огнем. Женщины и дети едят и пьют чай отдельно от мужчин, но присутствовать при их трапезе могут.

Шаман у селькупов — это жрец, лекарь, прорицатель. Шаман — это охранитель жизни, друг семьи, покровитель племени, рода.

Селькупы считают, что миров всего семь, что у человека пять душ. Одну не видно совсем, другую видно на четверть, третью - наполовину, четвертую—на три четверти, пятую — видно хорошо, это тень.

Большую роль в жизни этого народа играет дерево. Главное - береза. Из нее изготавливают полозья нарт, лыжи, люльки; гнилушки служат пеленками, береста - идет на посуду. Сок и отвар чаги используют как лекарство. Листьями березы лечат суставной ревматизм. Кедр используют как ранозаживляющее средство и против глазных болезней. Рябину — ее боятся злые духи — бросали в огонь. Бытовало представление, что береза и лиственница — светлые деревья, кедр — символ потустороннего мира. Деревья почитали, в праздник украшали лентами (светлыми и темными).

Особое уважение испытывали к мамонтам, медведям. Запрещали охоту на медведя. Зуб медведя носят, чтобы в лесу не чудилось. Если медведь нападал на человека, его убивали, но винили при этом пулю. Мясо ели, но при этом говорили, что мясо вороны едят. Особо почитали змей за мудрость. Орел — главная птица, праотец всех птиц. Лебедь понимает человеческую речь. Утка — покровительница женщин-матерей. Кедровка — творец леса. Кукушка защищает от злых духов. Поклонялись лесным духам: водяному, духу огня.

История селькупов еще не написана, в ней немало неясного. Поэтому создана селькупская комплексная экспедиция по изучению этнокультурной истории Нарымского края.

А. Храмова

//Заря Севера. 16 мая 1998г. С. 2

Селькупов (остяков) обычно называют аборигенами Нарымского края. За этим термином кроется глубокий смысл, означающий, что они являются коренными (первыми) обитателями данной территории.

Не будем сейчас углубляться в археологическую древность и уточнять, как и из каких компонентов складывался селькупский этнос, где и какие у него корни. Примем как данность, что во время освоения русскими в 17 веке Нарымского Приобья здесь уже жили люди, которых они окрестили остяками. Люди эти занимались рыболовством на Оби и таежных обских притоках и охотились на лесного зверя. Уже и этих определениях просвечивает тесная их связь с местностью, на которой они обитали. Без реки и леса нельзя представить настоящего остяка.

Культура селькупов генетически восходит к тому прототипу человеческой культуры, носители которой не преобразовывали природу (например, не корчевали лес для земледелия), не подчиняли ее себе (строя, допустим, каналы, дороги или плотины), а максимально приспособивались к вмещающему их пространству. Они воспринимали Природу как Высшую данность, обладающую незыблемым совершенством, где любые «исправления» ее немислимы и недопустимы. И, тем не менее, они жили и выживали в суровых сибирских условиях, а значит вели хозяйственную деятельность.

Для остяка дом никогда не начинался и не заканчивался стенами его жилища. Дом для него — это вся освоенная им территория. В этом смысле он действительно был «лесной человек» (сель—шеш—шот—лес, ближняя тайга; куп – человек, отсюда селькуп). А хозяйственная деятельность его заключалась в честном поединке человека с другими равноправными ему обитателями совместно обжитого пространства: бегающими, плавающими и летающими зверями. Недаром охота или рыбалка у остяков называется на русском языке чаще всего словом «промысел», в основе которого корень «мысль».

Человек ставил на земле и в воде ловушки и ждал, когда и них кто-либо попадет. Все исследователи отмечают абсолютное преобладание у нарымских остяков в прошлом именно таких «пассивных» способов охоты, которые внешне похожи на неторопливое собирательство. Вся-то работа — проверь ловушки ежедневно. Однако установка

ловушек предполагает гораздо больше смекалки и опыта, чем походы за добычей с луком и стрелами или ружьем. Нужно досконально знать территорию, характер и мысли зверя, правила и технологию сооружения ловушек, выбрать оптимальное для них место. Внешне создавалась видимость, что и зверю, и рыбе оставлено полное право не попасться, уйти, остаться в живых, но, как говорил известный томский этнограф В. М. Кулемзин, исследователь культуры хантов, близкой по сути своей селькупской культуре: « Жаль, что мы не можем пожелать одновременно удачи охотнику и долгих лет жизни зверю».

На всей территории Сибири и Севера с древнейших времен существовала норма, по которой промысловые угодья считались общими. Это было достояние всех людей и зверей, здесь обитающих. Каких-либо границ не существовало. Но на занятые угодья никто не покушался ввиду их обширности. Однако это совсем не означало отсутствия всяких правил пользования ими: охота и рыболовство разрешались всем и везде при условии, чтобы никто не мешал друг другу. Вместе с тем у жителей каждого селения имелась также и своя охотничья территория, свои «урманы», право пользования которыми принадлежало им как первым освоителям этих угодий. Со временем на этой территории стали выделяться места, право охоты на которых принадлежало отдельным семьям, поставившим там свои ловушки. Это еще не дележ угодий на участки, но уже первый шаг к этому. Другие тоже могли там охотиться, но уже с разрешения первопользователя.

Иная ситуация складывалась в более поздние времена и в тех районах, где аборигенов серьезно потеснили русские, например, в Нарымском крае. Здесь правила владения и пользования территорией выкристаллизовались более четко. Охотничьи угодья, освоенные жителями поселка, считались только их владениями. Никто другой не имел права вести в них промысел. Эти угодья подразделялись на семейные наделы, где действовало то же правило. Нарушивший его считался вором и подвергался наказанию: изъятию добычи, ловушек; могли виновного и розгами высечь. Но любой путник мог добывать одноразово в чужих владениях для собственного пропитания! Это было свято.

«Мат чвэчом» — «мое место» — так нарымские селькупы называли охотничьи, рыболовные, ягодные, кедровые и прочие угодья, находившиеся во владении группы родственников. Такое земельное владение передавалось по наследству из поколения в поколение. И в наши дни селькупы парабельские, тымские и кетские хорошо помнят границы своих прежних владений. Устная традиция подчеркивает коллективный характер собственности на «чвэчом»: «Все братья отцовы в одном месте промышляли. Чужих не брали, не пускали. Угодья на всю семью. Каждый исток и тайга по наследству идут». Землю эту нельзя было продать, подарить или обменять — она была неотчуждаема. «Земля навечно отдана. Если нет силы, передай сродственнику», — так объясняли селькупы бытовавшие у них правила землепользования. Между селькупом и его «чвэчом» существовала не только внешняя видимая связь, но и глубинная, сакральная слитность с родной землей. Считалось, что селькуп рождался, жил и умирал, а затем продолжал существовать и после смерти на своей земле. Считалось, что землю (чвэчом) защищали не только живые хозяева ее, но и покойники, которые по ночам ходили на своей территории. Чтобы уничтожить власть покойных хозяев чвэчом над их землей, надо было ликвидировать всех их потомков по мужской линии. Человек был неотделим от своей земли при жизни и после смерти, пока длился его род.

Каждая семья на своей «чвэчом» имела «зареченное место», являвшееся культовым семейным центром. Там росло священное дерево, на которое они вешали приклады-лоскутки духам природы, бросали монеты, клали пули, табак, чтобы умилостивить хозяина леса Маджил-Лоза, дабы тот послал охотнику зверя и птицу.

Там же стоял деревянный идол «чвэчом-кэды» и другие культовые изображения, которые воспринимались как символы родства и призваны были охранять живых родичей от злых духов, несчастий и болезней. А дома каждая семья имела деревянных кукол — духов-посредников между людьми, культовыми оберегами на священном месте и миром духов, куда простому человеку трудно добраться.

Такие «зареченные» территории, кроме всего прочего, являлись и своеобразными микрозаказниками, так как в радиусе примерно десяти километров от культового центра, где стоял амбарчик или росло священное дерево, нельзя было охотиться, вести любой промысел, даже просто собирать хворост. Посещалась эта территория только в случае острой необходимости обращения к всевышним потусторонним силам. Женщинам туда вообще доступ был запрещен.

В конце прошлого века на территории Нарымского края насчитывалось более ста таких действующих культовых центров. Сейчас они все практически разорены. А ведь такие зоны являлись местами воспроизводства животных и растений, зверю было где спокойно размножаться, тем самым стабильной была его численность, несмотря на отстрел.

Сложной была система связей между нарымской землей и всем, что на ней порождено и произрастает. Подзабыли эти связи сами селькупы, не все еще понятно ученым. Но уже сейчас ясно, что культура остяков была в прошлом почти образцовой экологической культурой, до которой нашей технократической цивилизации очень далеко.

Н.Тучкова

//Нарымский вестник.- 199527 июля. - С. 2

В прошлом нарымские селькупы — рыболовы, охотники, собиратели. В XX веке сочетают эти занятия с домашним животноводством и выращиванием овощных культур. Для всех селькупов наиболее гарантированным источником питания являлась рыба, добываемая ими практически круглогодично в пойменных озерах. Рыбу ловили как сетями *нок*, так и ловушками (*тавур* — котец, *кар* — мордушка, *карба* - самолывы, *магай* — фитиль, *коджа-по* — кожан, т.е. сетевой мешок, прикрепленный к лесине). В определенных местах в устьях притоков ежегодно устраивали весенние запоры из кольев *атармо*.

Основным орудием охоты в прошлом для селькупов были лук и стрелы, а также *пальма* — большой нож, насаженный на длинное древко. Кроме того, они широко практиковали пассивную охоту — с помощью деревянных ловушек. Лук и стрелы в XX в. вытеснило ружьё. Деревянные ловушки — капканы. Эти ловушки, разнообразные виды стрел, а также *пальма* теперь хранятся только в музеях. Универсальным орудием труда на промысле был и остается нож, употребляемый при различных операциях по обработке дерева, шкур и кож, кости и рога.

В конце XIX — начале XX в. одежда селькупов состояла из верхней и нательной. Основной верхней одеждой была длинная шуба из шкур животных (зайца, белки, беличьих лапок), крытая сверху тканью. Селькупские женщины славились изготовлением так называемого «сборного меха»: долгое время — несколько промысловых периодов — женщина копила лапки белок, соболя, мелкие шкурки горностаев. Затем меховые лоскутки выделывали и сшивали в меховое полотно. Из такого меха шили как женские, так и мужские длинные шубы. Длинная шуба из «сборного меха» представляла собой значительную семейную ценность. В начале XX в. такая шуба была обязательным свадебным подарком от семьи жениха невесте.

В XIX в. у нарымских селькупов были распространены зипуны — кафтаны из толстого сукна. В XX в. их вытеснила стёганая ватная куртка - фуфайка, ставшая основной верхней одеждой промысловика-охотника. Зимой мужчины носили двойные штаны. Женщины вплоть до середины XX в. поясной одежды не знали. У них бытовали длинные вязаные чулки. Нарымские селькупки сохранили очень древний тип вязки — «на одной игле».

Мужские рубахи и женские платья шили прямыми на кокетке. В начале XX в. у селькупов платье было вытеснено юбкой и кофтой. В этот же период селькупские

женщины начинают активно носить фартуки. К юбке и фартуку обязательно старались пришить карман для хранения табакерки (табак предпочитали именно нюхать).

Обитаемая земля по представлениям южных селькупов некогда была ровной и плоской, покрытой травой-мхом и лесом — волосами матери-земли. Все земные возвышенности - бугры, сопки, холмы и мысы, а также естественные углубления являлись свидетельствами протекавших здесь некогда событий, как земных («битвы богатырей»), так и небесных (например, оброненные с неба камни-молнии породили водораздельные озёра и болота).

Небо *Нушуньджь*, наделённое персонифицированной сверхъестественной силой, воспринималось селькупами повсеместно как верховный Бог *Нум*, живущий где-то в надземном пространстве. Земля *Чвэч* плоская, но имеет внутри себя заполненную полость - *чвэчэт пуджь* — «нутро», «земли серёдку». Отдельно селькупы выделяли *Кышуньджь* - подводное и надводное пространство.

Любое растущее дерево осознавалось селькупами как живой, энергетически сильный субъект природы. Широко бытует в селькупской среде поверье: «Если устанешь в пути, прислонись к растущему дереву спиной. Тогда ты почувствуешь, как будто кровь льётся по жилам и становится очень тепло, и возвращаются силы». Или говорят еще так: «Чтобы накопить жизненную силу на зиму, попробуй спиной прислониться к дереву, вздохни три раза. Если почувствуешь, как живое тепло струится по телу, постой подольше. Если не чувствуешь, как сок движется по нутру дерева, если нет тебе от него тепла — отойди. Значит, это не твоё дерево».

Считается, что у каждого человека есть своё дерево и что деревья определённой породы помогают ему более других. Чтобы понять, какой породы дерево является твоим, нужно попробовать постоять спиной возле каждого, почувствовать его силу. Категорически не следует брать силу у кривого, корявого дерева, так как уверены, что его энергия не пойдёт человеку на пользу. Каждый выбирает дерево своей жизни себе сам, и какова будет судьба выбранного дерева — такова будет и судьба селькупа.

Тучкова Н. А.

//Мы – томичи, ваши земляки, ваши соседи. - Томск, 2000. - С.30-32

В религиозном отношении считается, что селькупы - носители языческих верований и шаманских представлений, а христианство у них присутствует лишь формально. Однако исследования последних лет показали, что это не так. Уже с середины прошлого века двукультурность остяцкого населения Нарымского края выражалась в несопротивлении христианскому влиянию, а кое у кого и в активном его восприятии. Потому-то и стали принципиально возможны частые межэтнические браки. Практически все остяки Нарымского края до революции были крещеными, и большинство из них все основные акты гражданского состояния - рождения, браки, смерти — добросовестно фиксировали в церковном приходе. Наличие икон в доме, соблюдение ряда христианских праздников и постов, знание основных молитв — все это бытовало в советские годы в селькупской среде так же, как и в русской. Конечно, их христианскую религиозность не надо сравнивать с глубокой религиозностью старообрядцев, до которой и многим русским было и остается далеко.

Дохристианские верования были в активном состоянии в сознании лишь у той части селькупского населения, которая вела исключительно традиционный для них образ жизни, т.е. у тех, кто жил именно рыболовством и охотой. Только отдельные остяки верили в хозяина леса — Маджиль-Лоза и хозяина воды — Удигул-Лоза, держали дома на чердаке в берестяном лукошке кукол —домашних духов-покровителей, поддерживали семейные культовые амбарчики (пока совсем не разорили заезжие люди), вешали на деревья ленточки-приклады и хоронили своих умерших родичей по старинному обычаю, делая над могилой домик для ушедшей в иной мир души. Все это живо было еще до

середины 60-х годов в Нельмаче и Ласкино, Тюхтерево и Пыжино. Сейчас об этом осталась лишь память, которую бережно хранят старики. А ученым приходится по крупицам собирать информацию, и процесс этот похож на составления изображений из осколков мозаики.

Н. Тучкова

//Нарымский вестник.- 1995.- 20 июля.- С. 2

Учитывая историческую значимость территории, в 1992 г. в рамках осуществления программы по возрождению селькупской культуры, на собрании жителей пос. Тюхтерево было принято решение о строительстве музея под открытым небом, который должен был отразить традиционные для селькупов в прошлом и бытовавшие на данной территории типы жилищ, такие, как землянка-карамо, срубная избушка-юрта, свайный амбар-лабаз, односкатный шалаш-балаган - промысловое временное жилище охотника и т. п., а также воспроизвести элементы традиционного хозяйства селькупов.

Деятельность по созданию музея была включена в общероссийскую программу "Сохранение и развитие национальных культур" как её региональный компонент на территории Томской области.

Работа над созданием музея началась в 1994 г. с того, что в пос. Тюхтерево селькупам была выделена территория площадью 300 кв. м, под строительство заготовлен строительный материал (тонкомерный сосняк, росший вблизи поселка). Музей должен был состоять из пяти комплексов. Все строения (новоделы) должны были производиться в натуральную величину, по традиционной технологии и размещаться в естественном ландшафте. В 1995 г. были сооружены первые музейные строения: землянка *карамо*, уличная глинобитная печь *поголд шогор*, односкатный шалаш *балаган*. В. А. Соиспаевым в кедраче было выбрано "священное" дерево - кедр, на ветвях которого были повязаны первые жертвенные ленты белой и пёстрой материи.

Работы по созданию музея не финансировались. Строительство осуществлялось непосредственно селькупам и членами их семей исключительно на энтузиазме. От жителей поселка были получены вёсла, рыболовные снасти, иные бытовые предметы. Силами и средствами местных жителей для музея собираются предметы быта и хозяйства селькупов данного района, проводится запись воспоминаний местных жителей и образцов фольклора, поддерживаются музейные строения, проводятся экскурсии для местных школьников. В настоящий момент в Тюхтерево функционирует частично "первый" и "третий" комплексы - карамо, печь и балаган. Кроме того, все строения музея эксплуатируются в хозяйстве Л. Д. Шадринной - функционируют по своему назначению. В этом заключается одна из примечательных особенностей музея.

Дальнейшая судьба музея проблематична. О нём мало кто знает. Отдаленность от центра, труднодоступность, "нераскрученность" музея как туристского объекта не привлекают к нему "высокого" внимания. Его уникальность явно пока не оценена по достоинству, а ведь в настоящее время он является единственным в своём роде на территории Томской области местом воссоздания традиционной культуры южных селькупов. И, тем не менее, музей в Тюхтерево "скорее жив, чем мёртв", так как он нужен прежде всего самим селькупам. Он может стать реальным центром возрождения селькупской культуры, и они чувствуют его потенциальные возможности в сложном процессе своей этнической самоидентификации как мощного объединительного средства и одновременно средства пропаганды своей уникальной, ныне почти исчезнувшей культуры.

А. Тучков, Н. Тучкова, Т. Смердина

//Нарымский вестник.- 2001.-10 апреля.- С. 7

Нарымские шаманы

Один из первых томских краеведов князь Н. Костров в 18-ти номерах «Томских губернских ведомостей» за 1872 г. опубликовал свое историческое исследование «Нарымский край». В этой работе он в свою очередь, опираясь на исследования финского ученого-лингвиста Матиаса Александра Кастрена.

В труде Н. Кострова дано два интереснейших описания действий шаманов, правда, язык того времени довольно архаичен, поэтому изложу их, сохранив нетронутым лишь начало.

«Остяки собираются отправлять свое богомолье с восьми часов вечера и продолжают его до двух ночи. Сначала дети, для призыва к богомолью, подбежав к каждой юрте, кричат, как испуганные, разными голосами; по этому крику все собираются в назначенную юрту».

Каждый хант, входя в юрту, три раза вертится перед деревянным божком и садится на правую сторону юрты на нары или на пол. Он разговаривает со своим соседом или занимается чем хочет. Левая сторона нар закрыта занавесью, и за нею находятся женщины. Они при входе в юрту тоже вертятся перед божеством.

Когда соберутся все, шаман начинает греметь железными саблями и копьями, заранее приготовленными и лежащими перед божком на шестах. Каждому мужчине он дает саблю или копье, а сам берет по сабле в обе руки и становится к божку спиной. Ханты, получив обнаженные сабли и копья, выстраиваются вдоль юрты рядами и вертятся враз по три раза, держа перед собою сабли и копья.

Шаман ударяет саблями одна о другую, а мужчины, как бы по команде, одновременно поднимают крик на разные голоса и, качаясь с одной стороны на другую, кричат то редко, то часто, отскакивая один от другого, а при каждом возгласе шамана «гай!» переворачиваются на сторону и то осаживают свое оружие книзу, то подносят его кверху. Их крики и движения продолжаются около часа. Чем больше мужчин в это время кричат и качаются, тем больше приходят в исступление, так, что наконец становится невозможно смотреть на них без сожаления. После этого все умолкают, только по-прежнему вертятся, а затем отдают шаману оружие, которое он кладет на прежнее место. Затем все рассаживаются по нарам и полу, занавесь открывается, выходят женщины, и начинается пляска и музыка.

Через некоторое время шаман снова раздает сабли и копья, и опять начинается качание и крики при каждом его возгласе «гай!». В заключение каждый хант три раза стучит в пол своим оружием, отдает его шаману и уходит домой.

А селькупский шаман действовал следующим образом.

Шаман садится посреди жилья на скамейку или сундук, в котором не должно быть ни ножа, ни пуль, ни иголки и никаких других опасных предметов, особенно из стали и железа. Вокруг него усаживаются, обыкновенно множество, зрители. Лишь против шамана никто не садится.

Шаман сидит, оборотясь лицом к двери, и притворяется, будто ничего не видит. В правой руке он держит палочку, одна сторона которой гладкая, а другая покрыта таинственными знаками и фигурками, в левой - две стрелы, обращенные острием вверх, к каждому из острию привязан небольшой колокольчик.

Наряд шамана: обыкновенно на этот случай он одевается в одежду селькупа, прибегнувшего к его помощи.

Заклинание начинается тем, что шаман затягивает торжественную песнь, самые громкие ее слова звучат призывом к духам. За все время пения он слегка ударяет волшебной палочкой по древкам стрел, и колокольчики звенят в такт.

Присутствующие с глубоким вниманием слушают пение восторженного духовидца.

Как скоро начинают появляться духи, шаман встает и начинает плясать. Его пляска сопровождается довольно трудными и искусными движениями. При этом он безостановочно продолжает петь и звенеть колокольчиками. Содержание песни – разговор

с духами. Она поется то с большим, то с меньшим воодушевлением: «Придите, придите, духи волшебные! Вы не придете – я к вам приду. Пробудитесь, пробудитесь, духи волшебные! Я к вам пришел, пробудитесь от сна!»

Когда возрастет воодушевление шамана, в него включаются и присутствующие, повторяя его слова. Во время понижения его голоса все сидят безмолвно. Не пришедшие на камлание с самого начала не могут участвовать в пении, особенно женщины.

Посчитав, что своими действиями он получил от богов нужные сведения, шаман объявляет их волю, какую хотел получить вопрошающий. Если его вопрос касается будущего, шаман кидает свою волшебную палочку перед любопытствующим и, ежели она ложится стороной, на которой находятся знаки, вниз, то это означает близкое несчастье, а когда наоборот, то все желания исполнятся.

В Нарыме шаманы знали и проделывали несколько фокусов, которыми они ослепляли легковверных людей и добивались их доверия.

Один из этих фокусов буквально изумлял не только селькупов, но и русских.

Шаман садился на разложенную посредине пола оленью шкуру, велел присутствующим связать ему руки и ноги, закрыть ставни и принимался вызывать подвластных ему духов. И вот в темной юрте начиналась непостижимая чертовщина: в разных ее частях и вне слышались голоса, кто-то скреб по сухой коже и барабанил в такт, ворчали медведи, шипели змеи, скакали белки. Наконец шум прекращался и слушатели с нетерпением ожидали, чем все это кончится. Проходило несколько мгновений, дверь юрты отворялась и шаман входил со двора, не связанный ни по рукам, ни по ногам. Это «чудо» люди приписывали духам.

До начала XVII века коренные народы Нарыма в основном были язычниками и поклонялись деревянным изображениям человека – идолам, верили в чудодейственное камлание шаманов. Но все более активно начинала действовать русская Церковь. Митрополиты Тобольские и Сибирские стали приводить к православию коренное население завоеванной земли. Нередко они делали это насильственно, жесточайшими методами преследовали шаманов и уничтожали их.

П. Барсагаев

//Красное знамя. – 1992.-21 апреля.- С.3

Ханты

Ханты - народ в Западной Сибири, живут в Ханты-Мансийском (11,9 тыс.чел. - 52,8 %), Ямало-Ненецком (7,2 тыс. чел. - 32,2 %) автономных округах и в Томской области (804 чел. - 3,6 %)

Общая численность по переписи 1989 г. - 22,5 тыс. чел. Самоназвание - ханти, хандэ, кантэк. Среди хантов выделяются три этнографические группы (северные, южные и восточные), отличающиеся диалектами, самоназваниями, особенностями в хозяйстве и культуре, а также эндогамией. Внутри каждой из них, в свою очередь, имеются территориальные группы, различающиеся обычно по названиям отдельных рек, в бассейне которых они живут. До начала 20 века русские называли хантов остяками. Хантыйский язык вместе с мансийским и венгерским составляет угорскую группу финно-угорских языков. В хантыйском языке три группы диалектов: северная, южная и восточная. В лексике хантыйского языка отразились тесные связи с соседями - ненцами, татарами, комизырянами.

Этногенез

Этногенез хантов, как и в целом обских угров, на сегодняшний день - еще далеко не решенная проблема. Согласно одной из точек зрения в основе их формирования лежит культура древних аборигенных уральских племен, занимавшихся охотой и рыболовством. Позднее они подверглись влиянию скотоводческих андроновских племен с традициями

скифско-сарматской культуры. В процессе слияния этих этнических элементов к середине 1 тысячелетия н.э. и сложились обско-угорские племена. К концу 1 тысячелетия н.э. с востока и юго-востока в северо-западную Сибирь пришли самодийские племена. Новый этап этнических взаимодействий, в результате которых часть обских угров восприняла элементы самодийской культуры, продолжался и в первые века 2 тысячелетия. Согласно другой точки зрения, андроновскую культуру наиболее обоснованно увязывать не с угорским этническим элементом, а с иранским этносом, а наиболее древней угорской культурой считается кулайская. В конце 1 тысячелетия до н.э. кулайцы расселились на север и запад. Первый переселенческий поток привел к формированию в Нижнем Приобье усть-полуйской культуры, на основе второго в северном Прииртышье возникла потчевашская культура. Обе эти культуры принято считать протохантыйскими. В целом, археологические материалы свидетельствуют о сложности протохантыйских культур, о наличии в них разных этнических элементов. Позднее, в эпоху средневековья, существенное влияние на них оказал тюркский этнический компонент. Кроме того, здесь же имеются следы тунгусского и кетского влияния. В последующем часть западных хантов переселилась на Восток и Север. На Севере ханты вступали в контакты с ненцами и частично были ими ассимилированы. В южных районах шли интенсивные процессы тюркизации, а с 18 в. и обрусения. К 20 веку южные ханты были почти полностью ассимилированы сибирскими татарами и русскими.

Этническая история

Русские промышленные и торговые люди были знакомы с "югрой", в т.ч. и с хантами уже в 11 веке. Однако присоединение этой территории к Российскому государству началось лишь после разгрома сибирского хана Кучума. При этом часть южных (иртышских) хантов, стремясь обеспечить свою безопасность, сама обратилась к Ермаку с просьбой принять их под московское покровительство. К приходу русских ханты делились на ряд племен. Каждому племени соответствовал свой диалект. У каждого племени был свой центр и свои вожди. Каждое племя делилось на две экзогамные фратрии: моньть и пор. Все члены фратрии считались кровными родственниками. Позднее фратриальная экзогамия уступила место родовой. Русские воеводы опирались на родоплеменную верхушку хантов (князцов). Особенно большую помощь оказали властям кодские князцы Алачевы, которые участвовали во многих походах русских. За усердную службу им была оказана беспрецедентная в истории Сибири милость - они получили право собирать "на себя" ясак с двух хантыйских волостей. Когда нужда в Алачевых миновала, они были лишены всех привилегий. Стремясь укрепить свое влияние среди хантов, правительство насаждает у них христианство. Однако носило оно исключительно формальный характер и почти не повлияло на традиционные религиозные представления. На протяжении 17-19 вв. характер жизни хантов не претерпел существенных изменений. По тактическим соображениям правительство не стремилось к всесторонней ломке их общественной жизни. Во второй половине 19 в. ханты постепенно подчиняются общегосударственному законодательству. К 1917 г. их основным правовым отличием от русских крестьян оставалось освобождение от воинской повинности. В целом за три столетия (17-19 вв.) пребывания в составе Российского государства численность хантов выросла с 6.3 тыс чел. до 16.2 тыс. Рост численности продолжался и в 20 веке. Ханты - один из немногих малочисленных народов Сибири, который имеет собственную государственность в виде автономного округа. Она сыграло важную роль в консолидации этноса (к моменту создания округа восточные ханты называли северных "другим народом"). Особенно интенсивным стал этот процесс в 80-90 годы на волне национального движения в защиту своих территорий от промышленной экспансии различных министерств и ведомств. Велика роль национальной государственности и в деле сохранения традиционной культуры и языка. Степень их сохранности в округе неизмеримо выше, чем у хантов Томской области, где традиционный образ жизни утрачен.

Хозяйство

Традиционные занятия хантов - речное рыболовство, таежная охота и оленеводство. В южных районах и по Оби ханты с 19 века занимаются животноводством и овощеводством. Большое значение в жизни народа имеет собирательство.

Наиболее надежным источником существования у большинства хантов было заповное рыболовство. Известно более 200 вариантов добычи рыбы с помощью различных заповров. Широко использовались и другие орудия рыбного промысла. Охотились ханты на северного оленя, лося, медведя, зайца, белку, лисицу, соболя и других пушных зверей; из птиц - на утку и гуся. Использовались активные (преследование зверя с помощью собак) и пассивные (различные ловушки, самострелы и петли) способы добычи. Весной гусей и уток добывали перевесами: в лесу между водоемами прорубали просеку, в которой натягивали сети. Птицы, перелетая с водоема на водоем, запутывались в сетях. Оленеводство распространено на большей части хантыйской территории. В тундре и лесотундре по способам выпаса оленей, их запряжки, типам упряжки и нарт его можно отнести к самодийскому типу. В лесной зоне оленеводство местного происхождения, преимущественно транспортного назначения. Практикуется вольный или полувольный выпас. При недостатке природного корма оленей подкармливают.

Материальная культура

Большинство хантов вело полуоседлый образ жизни, переезжая из постоянных зимних поселений в сезонные, расположенные на промысловых угодьях. Традиционные зимние дома - каркасно-столбовые землянки и полуземлянки с входом через крышу. В 18 - начале 19 в. начали строить в качестве зимних жилищ срубные полуземлянки и примитивные наземные срубы. Сруб располагался в яме, на поверхности выступали лишь 2-3 венца с уплощенной крышей. Ханты-олeneводы жили в чумах самодийского типа, крытых оленьими шкурами (зимой) или берестой. Чум широко использовался и в качестве сезонного жилища на месте промыслов. Из хозяйственных сооружений известны свайные дощатые и бревенчатые срубные амбары с двускатными или плоскими крышами, навесы-помосты. Особенностью хантыйских поселений была установка перед каждым домом специальных столбов для привязывания оленей и лошадей. Иногда они украшались зарубками, изображениями человеческих лиц, животных и птиц. Ханты-олeneводы в качестве верхней одежды используют глухую (без разреза спереди) одежду с капюшоном, заимствованную у ненцев. У других групп подобная одежда (малица, гусь) употреблялась как дорожная. Обычную верхнюю одежду составляли распашные шубы из оленьего и заячьего меха, беличьих и лисьих лапок. Зимней обувью служили ненецкие пимы из камусов с меховым чулком. Мужская и женская одежда украшалась.

Основной пищей хантов в прошлом были рыба, мясо диких оленей и других животных, в т.ч. пушных (белка, выдра).

Осенью мясо диких оленей заготавливали впрок. Лакомством считалось копченое сало оленя. Рыбу ели сырой, вареной, вяленой, мороженой. Из внутренностей вытапливали рыбий жир, на нем жарили лепешки, из него приготавливали варку (толченая рыба, проваренная в рыбьем жире), которую всегда брали в дорогу и на охоту. Из головок рыбы и мелочи делали рыбную муку, из нее варили болтушку. Печеный хлеб был известен уже в 17 веке, но в широкое употребление вошел сравнительно недавно. Летом ханты передвигались на лодках разных типов. На притоках пользовались долбленными челноками. На Оби были распространены более совершенные лодки с днищем из кедра и с бортами из еловых досок. Для дальних поездок пользовались крытыми берестой лодками-илимками с мачтой для прямого паруса. Зимой основным средством передвижения были лыжи, а также оленьи и собачьи нарты. Северные ханты на оленьих нартах ездили круглый год. Ханты, державшие лошадей, использовали при переездах русские сани и особые конные нарты.

Духовная культура

В духовной культуре хантов большое значение имеет культ медведя и связанный с ним комплекс обрядов (медвежий праздник). Первоначально медвежий праздник проводился только членами фратрии "пор", считалось, что именно она ведет свое происхождение от медведя. Со временем праздник стал всенародным. Помимо фратриальных почитаются и родовые тотемы. Перед началом промысловых сезонов им приносятся жертвы. Шаманство носило в основном семейный характер. Шаманы не имели специального одеяния за исключением шапки-колпака. Старшее поколение хантов сохраняет многие традиционные верования и культы. Традиционное устное народное творчество представлено мифами, эпическими героическими сказаниями, сказками, загадками, историческими преданиями. В них рассказывается о происхождении фратрий, тотемных предках, межродовых военных столкновениях и других событиях исторического прошлого. В декоративном искусстве привлекает внимание отделка одежды бисером, металлическими бляшками, аппликацией. Музыкальная культура изучена плохо. Широкое распространение имели щипковые струнные музыкальные инструменты: пятиструнная цитра, 9-ти или 13-ти струнная арфа, а также одно или двухструнный смычковый инструмент. Струны для всех инструментов делали из лосиных сухожилий. В последние десятилетия у хантов сформировались профессиональные живопись и литература. Известностью пользуются хантыйские литераторы А.Тарханов, Е.Айпин, Р.Ругин, художники Г.Раишев, В.Игошев и др.

Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока
//http://www.raipon.net/russian_site/people/

В одежде хантов и манси некоторые ее виды были одинаковыми у мужчин, женщин и детей. У северных групп в верхней одежде преобладал стиль «глухой» (без разреза спереди, надеваемая через голову), у южных и восточных — распашной. Глухая меховая одежда, не имеющая разреза спереди, была трех видов: малица, гусь (кумыш) и парка. Малицу носили мехом к телу, а гусь и парку — мехом наружу. Парка была нарядной одеждой, а кумыш надевали в дорогу поверх малицы. Мужчины подпоясывали все виды верхней одежды поясами.

Женщины повсеместно носили распашную верхнюю одежду, но у каждой группы был свой покрой. Некоторые виды женской одежды (штаны, рубаха, халат, платок, обувь) не отличались от мужской. Специально женскими были двойная шуба из оленьих шкур, большие головные платки. В старину использовали еще один оригинальный материал — рыбы кожи. Из них шили штаны, рубахи, кафтаны.

Обувь была разных покровов. Летом поршневидная с загнутой подошвой, присборенной под ступней, короткие черки с пришитым длинным голенищем из ткани или кожи. Зимой носили длинную обувь, целиком сшитую из камусов - шкур с ног крупных животных. Внутри клали травяные стельки, надевали шерстяные либо меховые чулки.

Головным убором служили капор, платок или капюшон малицы, гуся. Своеобразны были так . называемые ложные косы - пучки волос, перевитые цветным шнурком.

Мужчины и женщины очень любили кольца, особенно от белых металлов. Одна из особенностей материальной культуры обских угров — широкое распространение орнамента. Узорами украшали одежду, обувь, вязаные чулки, рукавицы, головные уборы, нагрудные украшения, пояса, подушки. Из меха (камусов) и ровдуги (замши) изготавливались полосы, орнаментированные техникой мозаики. Мозаика из меха нашивалась на подол и полы кафтанов, в стан и рукава шуб, в зимнюю обувь. Техником

мозаики мог быть изготовлен воротник или сумка, швы чаще всего выполнялись с прокладкой полосок яркого сукна. Более распространенной была аппликация из ткани, ее нашивали в различных местах женских платьев и детской одежды. Этот способ орнаментации постепенно вытеснялся бисером. Бисером расшивали культовые предметы — элементы шаманской одежды, и бытовые — шабуры, воротники, головные повязки. Теперь так украшают кисеты, сумочки, женские платья, обувь.

М. Кровякова

//Северная звезда. -1994.-17 февраля.- С.3

Чулымцы

Чулымские тюрки, инос кижилер (самоназвание, буквально «чулымские люди»), пестын кижилер (самоназвание, буквально «наши люди»). В Российской Федерации (Томская область Красноярский край) живут в бассейне р. Чулыма и его притоков Яи и Кии. Численность 750 чел. (по оценке 1980 г.). Этнические группы - среднечулымские (мелесские) тюрки, нижнечулымские тюрки (в прошлом состояли из байгулинско-каргачинской, аргунской, кизылдеевской, ячинской, корюковской и курчиковой групп). Говорят на чулымско-тюркском языке. Диалекты: нижнечулымский (говоры: кецик, кюэрик, ячинский, чибинский и ежинский) и среднечулымский (говоры: тутальский и мелетский). Верующие чулымцы - православные христиане.

Краниологические данные указывают на связи с тюркоязычным населением Южной Сибири (особенно с кызыльцами), а также с нарымскими селькупам и томскими татарами. Выявляются самодийский (в основном, селькупский) и кетский субстраты, а также монгольские элементы. Тюрки проникли на Чулым начиная со второй половины II тыс. н.э. преимущественно из Южной Сибири. Выявляются телеуигурский, киданьский, сибирско-татарский, телеутский, енисейско-киргизский, обско-татарские (темерчинский и прочие) и другие компоненты.

После вхождения Сибири в состав Российского государства в XVI - XVIII вв. определённую роль сыграли связи чулымцев с тобольскими, тюменскими и томскими татарами, барабинцами, телеутами, тюркскими группами Среднего Притомья (родственны шорцам), селькупам, енисейскими киргизами, кызыльцами, позднее - с русскими. В период этнической консолидации чулымцев небольшая их часть была ассимилирована русскими, а также кызыльцами, обскими и томскими татарами. Основные миграции чулымцев в этот период сводились к переселениям части мелесов в земли кызыльцев, к продвижению чулымцев на север и запад (на территорию селькупов и кетов, обских татар, чатов и эуштинцев), на восток и юго-восток (в сторону хакасов), а также к поселениям их в русских деревнях Причулымья начиная с XVIII в. Численность чулымцев в XVII в. сократилась с 1040 до 830 чел., в нач. XVIII в. составляла 1520 чел., в нач. XIX в. (1816 г.) - 3900 чел. и в кон. XIX в. - 4825 чел. В советский период чулымцы были отнесены к хакасам. По данным 1986 г., более половины их считали себя отдельным народом и лишь 10% опрошенных назвали себя одним народом с хакасами. Наблюдается укрепление культурных связей с хакасами, ускорение ассимиляции чулымцев русскими. Сокращается численность чулымцев, уменьшается число говорящих на родном языке.

Поселения чулымцев располагаются около рек, стариц и озёр, что связано с одним из основных их занятий - рыболовством. Рыбу (язь, щука, елец, чебак, окунь, карась, стерлядь и др.) ловили сетями, неводами, острогами, запорами (туг), ловушками. Зимой переселялись на охотничьи стойбища. Охота к нач. XX в. приобрела в основном товарное пушное направление. В промысле пушного зверя использовали сложный (соган) и простые луки, петли, силки, плашки, клепцы, кулёмы, луки-самострелы и др. Подсобную роль играло собирательство съедобных и лекарственных растений, шишкобойный промысел, заготовка талового лыка, черёмуховой сарги, бересты, крапивы и конопли (для

получения волокна для пряжи), ягод. Имеются сведения о примитивном ручном земледелии до прихода русских. Позднее здесь распространилось плужное земледелие. До появления русских выращивали в основном ячмень и просо, позднее под влиянием русских распространились рожь, овёс и пшеница. Скотоводство (крупный рогатый скот, лошади, овцы) было развито слабо. Домашние ремёсла - ткачество, изготовление верёвок, сетей, посуды (берестяной, деревянной и плетёной из прутьев или коры), лодок, лыж, нарт, кожевенное дело, плотницкие работы и т. д. В 1910 г. имели скот 95%, огороды - 87%, занимались рыболовством 77%, земледелием 37%, извозом 9%, пчеловодством 5%, заготовкой дров на продажу 4%, ягодным промыслом 3%, ореховым промыслом 1 % всех хозяйств чулымцев. По-видимому, около половины представителей этого этноса занимались охотой. В настоящее время большая их часть занята наряду с русскими сельским хозяйством, в лесной промышленности.

Передвигались верхом на лошадях, на запряжённых лошадьми телегах и санях, волокушах (салатца), ручных прямокопильных нартах (шанак, чанак), иногда с подпряжением одной или двух собак, долблёных, дощатых и берестяных лодках (кеме, каюк), плотях, лыжах-подволоках, т. е. подшитых мехом (шана, сана, мэнгэ), и голицах (кана, каначак, тыгаргэ). Традиционные средства передвижения частично сохраняются в настоящее время.

Традиционные поселения - улусы, были зимними и летними. В летних занимались земледелием, выпасом скота, рыболовством, в зимних - охотой. К XIX - нач. XX вв. они были вытеснены постоянными поселениями, подобными русским деревням и сёлам; часто селились вместе с русскими. В отдельных местах поселения назывались юртами.

Традиционные жилища - землянки (одыг), срубные полуземлянки (кыш-таг) с крышей полупирамидальной формы, срубные юрты прямоугольной и многоугольной формы с конусообразной крышей из досок или бересты, временные жилища - чумы из жердей, крытые берестой, войлоком или рогожей. С XVIII в. основным типом жилища становится русская изба, в XIX в. - пятистенные и крестовые срубные дома. В интерьере жилищ в каждой группе чулымцев были свои особенности, характерны открытые очаги в зимних и летних юртах, печи - глиняные чувалы (чуал) с открытыми очагами и глиняные низкие печи (кемега) для приготовления пищи, нары или лавки, сундуки, полки с образами (иконами) и полки с домашней утварью. Основные хозяйственные постройки - амбары (клат), хлева (оран), сарай, бани, крытая часть двора или загороди для скота.

Одежда состояла из рубахи и штанов. Женские рубахи шились из холста, праздничные платья туникообразного покроя - из ситца или шёлка, часто были оторочены мехом. Штаны первоначально были из налимьих шкурок, позднее холщовые. И женщины, и мужчины носили камзолы, отороченные мехом. Зимой женщины надевали беличьи или лисьи шубы (тон), покрытые шёлком. Головы покрывали белыми или алыми колпаками, покрывалами (тастар), полусферической формы шапками из красного бархата, опушёнными лисьим мехом и украшенными сверху длинными красными шёлковыми кистями, зимними меховыми шапками. В летнее время чаще ходили босиком, носили поршни (короткую овальнозагнутая спереди и сзади обувь), чирки (невысокую обувь с отдельно выкроенной мягкой подошвой и голяшкой), сапоги (в прошлом из налимьих шкур, позднее из кожи) с косо срезанным верхом голенища, кожаные башмаки. Женщины заплетали несколько кос, носили подвески, в т. ч. из монет, серьги, бусы, браслеты, кольца, перстни.

Мужчины носили рубахи, шерстяные и дабовые (из китайской хлопчатобумажной ткани, обычно синего цвета) кафтаны (тар, шо-бур) со стоячим воротником, опушённым мехом росомахи или выдры, халаты из русских и среднеазиатских хлопчатобумажных тканей и китайской дабы, суконные штаны, зимой тулупы, шубы, дохи из козьих и оленьих (лосиных) шкур, опушённые мехом шапки, шапки типа ушанок, поршни, обувь из тальниковых прутьев, мягкие унты из козлиной кожи, сапоги с косо срезанным верхом голенища, охотничьи сапоги-бродни, сапоги русского покроя. В XVIII - XIX вв.

национальная одежда вытеснялась русской.

Основу традиционной пищи составляли рыба, дичь и дикие растения, с XIX в. распространился хлеб и др. мучные и молочные продукты, мясо домашних животных (особенно конина), потребляли грибы и свинину. Рыбу вялили, сушили и коптили. До кон. XIX в. заквашивали на зиму в яме высушенные ячмень, сарану и др. растения. Многие молочные блюда (творог, сыр и др.), супы (щи, борщи и др.), напитки (квас, брага, пиво, вино) были заимствованы у русских. Из национальных блюд сохранились уха, бурак-порса (толчёная, вяленая или сушёная рыба), каша из курмача (очищенного и сушёного ячменя), талкан (болтушка из молотых зёрен или муки).

Родовая община (суок) в XVII - XVIII вв. сменилась территориально-соседской общиной (ёон). Патриархальная семья в XIX в. была вытеснена малой моногамной. До кон. XIX - нач. XX вв. сохранялась патронимия, в некоторых селениях - патриархальные семьи. В семейной и нередко в общественной жизни женщина была равноправна с мужчиной. Современная семья состоит из двух-трёх поколений и насчитывает в большинстве случаев 4-6 чел.

Основные этапы свадебного обряда - сватовство, торг о калыме, церковное венчание, свадебный пир, брачная ночь в отдельной юрте и утреннее пиршество. В начале сватовства сват приносил трубку с табаком родителям невесты, выкуривавшим её в знак согласия на брак. Юрта для брачной ночи ставилась неподалёку от юрты родителей невесты, между ними разводился огонь. Молодой муж должен был при свете огня одолеть родственников новобрачной и проникнуть в юрту. Свадьбу сопровождали песнями, плясками, игрищами. До XX в. были распространены браки через умыкание невесты (с её согласия).

В православии чулымцы обращены в XVII - XVIII вв. До первой трети XX в. сохранялись традиционные верования, шаманизм. Шаманскими атрибутами были белый головной платок, ожерелье из белых бус, сапоги, погремушка, ложка для кормления духов и др. Было распространено поклонение изображениям духов - родовых, семейных и личных покровителей (у женщин чаще всего - в виде птицы, у мужчин - в виде заячьей шкурки), хозяев природы, жилищ и т. д.; культ предков; тотемов; священных деревьев и др. Изображения духов хранили в амбарах. Наряду с именами, данными при крещении, детям давали свои имена. Дохристианские элементы сохранялись и в погребальном обряде - с покойником укладывали в могилу (или на могилу) его вещи (трубку, огниво, охотничьи принадлежности, кисет и др.), устраивали тризну около могилы, разводили огонь и прыгали через него.

Сохранился традиционный фольклор, орнаментальное искусство. Распространены сказания о богатырях, к именам которых возводят фамилии чулымцев. Традиционный календарь состоял из 13 месяцев: сухой (худой) рыбы, горячей икры, береговых запоров (для ловли рыбы), белой рыбы, орла, вороны, кукушки, гона лис, бури, большого мороза, длинной ночи, осенней светлой луны, красных листьев. Орнамент на изделиях из дерева, бересты, тканей и кожи близок к узорам северных алтайцев, хакасов, шорцев. У русских заимствовали способы украшения наличников окон и карнизов домов и многие орнаментальные мотивы.

*Н. А. Томилов
//Земля первомайская. Томск. ТГУ, 2001 г. С.218-223*

Эвенки

Эвенки - народ в Российской Федерации. Занимают обширную территорию от левобережья Енисея на Западе до Охотского моря на Востоке. Южная граница расселения проходит по левобережью Амура и Ангаре. Живут также на северо-востоке Китая (20

тыс.) и в Монголии. Численность эвенков в Российской Федерации около 30 тыс. человек. В административном отношении расселены в границах Тюменской и Томской областей, Красноярского края, Иркутской, Читинской, Амурской областей, республик Якутии и Бурятии, Хабаровского края и Сахалинской области. Нигде на этой территории они не составляют большинства населения, живут в одних поселениях вместе с русскими, якутами и другими народами. Самоназвание - эвенки, ставшее официальным этнонимом в 1931 году, старое название - тунгусы. Отдельные группы эвенков были известны как ороченцы, бирары, манегры, солоны. Язык - эвенкийский, принадлежит к тунгусо-манчжурской группе алтайской языковой семьи. Выделяется три группы диалектов: северная ("хакающая"), южная ("секающая" и "шекающая") и восточная ("секающехакающая"). Каждый диалект подразделяется на говоры. Повсеместно распространен русский язык, многие эвенки, живущие в Якутии и Бурятии, говорят также на якутском и бурятском языках. В антропологическом отношении представляют достаточно пеструю картину, обнаруживая комплекс признаков, характерных для байкальского, катангского и центрально-азиатского типов.

Этногенез

Эвенки сложились на основе смешения местного населения Восточной Сибири с тунгусскими племенами, пришедшими из Прибайкалья и Забайкалья. Есть основания в качестве непосредственных предков эвенков рассматривать забайкальский народ увани. Китайские хроники позволяют достаточно точно определить их местожительство - это горная тайга к северо-востоку от Баргузина и Селенги, приблизительно между верховьями Олекмы и Верхней Ангары. Увани не были аборигенами Забайкалья, а представляли собой группу кочевников-скотоводов, пришедшую сюда из более южной местности. Скорее всего, они отделились от народа хи, который имел много общего с сяньби и киданями, а также включал в себя и хунские компоненты. В этой связи, нельзя не вспомнить о гипотезе происхождения тунгусов, которую высказал в свое время С.М.Широкогоров, считавший, что прародиной предков тунгусов являлось междуречье рек Хуанхэ и Янцзы, откуда они были вытеснены на север. Гипотеза С. Широкогорова, долгое время критиковавшаяся в СССР, находит сегодня все больше сторонников. Оказавшись в Забайкалье и Приамурье, увани в результате брачных контактов и культурного взаимодействия с местным населением положили начало этническому формированию современных эвенков. В процессе расселения по просторам Сибири тунгусы сталкивались с местными племенами и, в конечном счете, ассимилировали их. Особенности этнического формирования тунгусов привели к тому, что для них характерны три антропологических типа, а также три различных хозяйственно-культурных группы: оленеводы, скотоводы и рыболовы.

Этническая история

Первое знакомство русских с эвенками относится к началу 17 века. После основания острогов в бассейне Оби казаки вышли на Енисей и начали продвигаться по его правым притокам, заселенным эвенками. К 1623 г. русское подданство приняли почти все эвенки на Ангаре, Нижней Тунгуске, Вилюе и Чоне. С основанием Якутского острога (1632 г.) в систему правовых отношений с русским государством были втянуты эвенки в бассейне Лены, к середине 17 века - в Прибайкалье и Забайкалье. Несколько десятилетий после формального вхождения в состав России различные группы эвенков неоднократно восставали, "побивая" служилых и промышленных людей. Вскоре, однако, период противостояния сменился мирными отношениями, поскольку эвенки были заинтересованы в расширении торговых связей с русскими. Важным каналом усиления русского влияния было насаждение христианства. Христианизация началась уже в конце 17 в. В 1897 г., согласно Всероссийской переписи населения, 82 % всех эвенков значились православными, однако, их православие было во многом формальным. Важнейшей

обязанностью эвенков, принявших русское подданство, являлась уплата ясака. Фискальным целям было подчинено и их административное устройство. В административном отношении эвенки были разбиты на "роды" и "родовые управления". Во главе "рода" стояли князцы или старшины. Их избирало из своей среды само население, но утверждались они губернаторами. Они несли ответственность за сбор ясака, следили за исполнением распоряжений администрации, а также судили людей своего "рода" за различные проступки, исключая лишь серьезные уголовные преступления. Созданная таким образом административная система строилась на самоуправлении эвенков на основе их обычного права, соблюдения традиций и обычаев населения. Власти во внутреннюю жизнь сибирских "инородцев" вмешивались лишь в тех случаях, когда возникала угроза сбору ясака. Численность эвенков к моменту их вхождения в состав России точно не установлена. Б.О.Долгих на основе анализа ясачных книг определял ее применительно к 17 веку в 36135 человек, но это очень приблизительная цифра. Наиболее точные данные о численности эвенков дала перепись 1897 г. Их насчитывалось 64500 человек, при этом родным языком считали тунгусский 34471 человек, остальные - русский (31.8%), якутский, бурятский и другие языки.

Хозяйство

В хозяйственном отношении эвенки заметно отличаются от других охотничьих народов Сибири и Дальнего Востока. Прежде всего, они - охотники-оленоводы. Эвенк-охотник проводил верхом на олене добрую половину своей жизни. Были у эвенков и безоленные группы, охотившиеся пешком, но в целом именно верховой олень - главная визитная карточка этого народа. Охота играла ведущую роль у большинства территориальных групп эвенков. Некоторое исключение составляли "сидячие" эвенки, живущие по берегам рек и озер, для которых главным в летний период было рыболовство, а также эвенки-орочоны, сочетавшие охоту с оленеводством. До появления русских охотились главным образом на лося, дикого оленя, кабаргу, косулю, изюбра, горного барана, а также медведя. Наиболее любимой была охота гоном - преследование животного на лыжах. В некоторых районах на лося охотились с лодок, на речных переправах. Широко использовались самострелы, петли, а также ловчие ямы. Охота на пушных зверей имела второстепенное значение. Роль пушного промысла выросла с приходом русских, поскольку ясак следовало уплачивать шкурками ценных пушных зверей.

Охотничья сущность эвенка ярко проявляется даже в таком второстепенном для него деле как рыболовство. Рыбалка для эвенка - та же охота. Главными орудиями рыбного промысла у них долгие годы были охотничий лук с тупыми стрелами, которыми рыбу глушили, и острога - разновидность охотничьего копья. По мере истощения охотничьей фауны значение рыбного промысла в жизнеобеспечении эвенков стало возрастать. Появились новые, более производительные орудия промысла - ставные сети, запоры, заимствованные у русских невода и др. В некоторых группах рыболовство стало приобретать товарный характер. Оленеводство эвенков особое, таежное, выючно-верховое. Практиковался вольный выпас оленей, доение важенок также одна из отличительных черт эвенкийского оленеводства. С оленеводством непосредственно связана и другая особенность этого народа. Эвенки - прирожденные кочевники. Кочевание - главное в жизни эвенка. Протяженность кочевков охотников-оленоводо-в достигала сотен километров в год. Отдельные семьи покрывали расстояния в тысячу километров.

Материальная культура

Основной тип поселения эвенков - стойбище. Стойбища были временными (уриkit) и постоянными (мэнэен). Постоянные (чаще всего зимние) состояли из 1-2 жилых построек, летние были более многолюдными. Охотники-эвенки, ведущие подвижный образ жизни, жили в легких переносных жилищах - чумах (дю). Стационарный зимний тип жилища, характерный для полуседлых эвенков-охотников и рыболово-в, - голомо

пирамидальной или усеченно-пирамидальной формы. Летним постоянным жилищем охотникам и рыболовам служило корьевое четырехугольное жилище из жердей или бревен с двускатной крышей. Южные эвенки, скотоводы-кочевники Забайкалья жили в переносных юртах бурятского и монгольского типа. В настоящее время большинство эвенков живет в современных типовых срубных домах. Традиционные жилища используются только на промыслах. Хозяйственные постройки для эвенков не характерны. Это в основном различные виды лабазов, на которых хранились вещи, а также изгороди и тентовые навесы для оленей. Традиционная одежда эвенков - кафтан из оленьей шкуры, полы которого связывались на груди завязками. Обязательным дополнением к кафтану был нагрудник, державшийся на лямке вокруг шеи и прикрывавший стык не сходящихся бортов. Зимой шею и голову обматывали длинным шарфом из хвостов пушных зверей. Обувью служили олочи из кожи, сукна или ровдуги летом и оленьего меха зимой. Основа традиционной пищи - мясо диких животных (у конных эвенков - конина) и рыба. Мясо лосей и диких оленей заготавливали впрок вялением. Сушеное мясо толкли в муку, которую заваривали кипятком или смешивали с ягодами. Охотские, амурские и илимпейские эвенки из рыбы делали юколу, из сушеной - муку, употребляемую с нерпичьим жиром. Основной напиток - чай, иногда с оленьим молоком или солью. Мука была известна до прихода русских. Из кислого теста пекли колобки, на востоке - пресные лепешки. С приходом русских в употребление вошел печеный хлеб. Основное средство передвижения летом - берестяные, долбленые или с дощатыми бортами лодки с двухлопастным веслом. Зимой охотники передвигались по насту на лыжах-голицах, по глубокому снегу - лыжах, подклеенных камусом. Оленями пользовались только при перекочевках на новое место. Оленей использовали для верховой езды и под вьюк. Оленья упряжь состояла из недоуздка, верхового и вьючного седел и подпруги. При езде верхом пользовались палкой, служившей опорой при посадке на оленя. Езда на нартах для эвенков нехарактерна.

Духовная культура

К началу 20 века религиозные воззрения эвенков представляли собой весьма причудливое сочетание различных стадий развития религиозных представлений. Наиболее древние - одухотворение всех явлений природы, представление о душе, тотемизм. Существовали различные магические обряды, связанные с охотой и охраной стад оленей. Позднее этими обрядами стали руководить шаманы. В связи с шаманством развились, имевшиеся представления о духах-хозяевах, появились новые обряды - проводы души умершего, очищения охотников, посвящения оленя и др. Существовали элементы медвежьего культа - обряды, связанные с разделкой туши убитого медведя, поедания его мяса, захоронения медвежьей головы и костей. Весьма разнообразен эвенкийский фольклор. В нем принято выделять такие жанры как песни-импровизации, мифы, рассказы о животных, загадки, бытовые и исторические предания. Излюбленным жанром эвенков был былинный и героический эпос. У различных групп эвенков имелись свои эпические герои. Эпос исполнялся речитативом в течении ночи, нередко в исполнении принимали участие и слушатели. Основной музыкальный инструмент - металлический (кэннгипкэвун) или деревянный (пэннгипкэвун) варган.

Использовались также билгау - высушенное птичье горлышко и охотничий лук. Единственный ранее известный эвенкам танец - хоровод хейро, исполнявшийся под песенную импровизацию. Изобразительное искусство представлено художественной обработкой металлов, резьбой по кости и дереву, вышивкой бисером и шелком, аппликацией мехом и тканью, тиснением по бересте. Подлинным произведением искусства являются эвенкийские нагрудники. По традиции декор нагрудника распределяется тремя ярусами: центральная орнаментальная композиция, длинная массивная полоса-кайма и бахрома из ровдужной основы на подоле нагрудника. Богато орнаментировались также борта кафтанов, обувь, пояса, вьючные сумки, предметы

домашней утвари. В последние десятилетия у эвенков появилось профессиональное изобразительное искусство талантливые писатели, многочисленная творческая интеллигенция.

Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока
//http://www.raipon.net/russian_site/people/

Эвенки (прежнее название — тунгусы) — народность в эвенкийском автономном округе. Прародина — Восточная Сибирь, Прибайкалье. В Западную Сибирь мигрировали в XIX веке, а затем осели на реке Васюгане и притоках Кети. Общая численность - 25 тысяч (1970 г.), 16 тысяч (1979 г.). Эвенкийский язык — тунгусский. Письменность — на основе русского алфавита.

Давайте перенесемся в их жизнь и посмотрим, как у эвенков проходит утро. Мужчины спят. Женщины разводят кострище около чума, разводят курева для оленей и вскоре приступают к их доению. Встают мужчины. Приносят в небольших берестяных турсуках воду, выливают в особый квадратный берестяной сосуд и не, из него, а в нем моют руки и умываются. Умывшись, берут припасенный в кучу около чума мох и им утираются.

Религиозное верование — язычество. Большим почетом пользуется шаман. Старые шаманы носят «поповский крест». Шаман должен был излечивать от всех болезней — камлать. Когда жена раскладывает перед ним принадлежности для камлания, шаман меняется в настроении, он нервничает, что-то невнятно бормочет. Жена подогревает бубен. Шаман начинает облачаться: надевает особую обувь, нагрудник, повязку на голову, плащ и рукавицы. Бубен у шамана большого размера, овальной формы, имеет обычное устройство, на наружной стороне — рисунки охрой, во внутренней — железные перекладыны, увешанные железными и медными побрякушками, имеющими то или иное назначение. Шаманский плащ украшен нашивками, изображениями и металлическими подвесками.

Порядок облачения: сапоги, нагрудник, головная повязка, плащ и рукавицы. Облачившись, шаман берет в левую руку бубен, в правую — колотушку, приседая на корточки. Поставив бубен на левую коленку, начиная мерно изредка отбивать колотушкой, тихо напевая... затем, вдруг уткнувшись лицом в самый бубен, на левую коленку, громче, усиленно ударяя колотушкой и сильнее раскачиваясь на месте. Это он собирает и призывает духов. Наконец шаман вскакивает, и начинаются его нервные, истеричные телодвижения вокруг костра, он усиленно встряхивает бубном, бьет с силой в него колотушкой и до последней степени напрягает свои голосовые связки — в это время начинается пляска.

Вдруг некоторые взывания шамана начинают повторять в унисон хором все присутствующие... Шаман уже оправился «туда... высоко», на небо. Покружившись полчаса в неистовой пляске, шаман снижает постепенно ее темп и пение и наконец совсем почти затихает...

Закуривает трубку, усиленно затягиваясь табачным дымом, начинает бросать перед каждым сидящим — трижды — колотушку бубна. Оказывается, это и есть гадание. Причем, если колотушка все три раза упадет, вогнутой своей стороной вверх, это означает исполнение загаданных в тот момент желаний.

Главное занятие эвенков — пушной промысел, оленеводство, рыболовство. Рыболовством занимаются мало. Самое главное занятие — оленеводство. Каждое стойбище имеет стадо оленей от нескольких десятков до сотни голов. У каждого оленя на шее и на ремешке особое устройство, деревянная побрякушка вроде крестьянского ботала. Побрякушка эта — кан-нар — обычно имеет резьбу, лапы, зуб медведя, причем эта резьба, по мнению тунгусов, предохраняет оленя от всех опасностей.

У эвенков не принято спрашивать незнакомого, кто он, куда, зачем и откуда идет. Но принято устраивать нечто вроде чаепития, во время которого каким-то образом все это выясняется. Обычай — своеобразные знаки, поэтому их надо знать, чтобы уверенно чувствовать себя среди чужих людей.

Языческие традиции сохранились до сих пор среди эвенков.

*А. Храмова
//Заря Севера.- 1998.-19 мая .- С. 3*

Домашние ремесла коренных народов Западной Сибири

Обские угры (ханты и манси) и самодийцы (ненцы и селькупы) являются коренным населением Западной Сибири. Корни их традиционной культуры произрастают из местной таежной зоны и насчитывают несколько тысячелетий.

Для южных хантов и восточных манси, населявших Иртыш и его притоки, наиболее показательна вышивка одежды шерстяными нитками преимущественно синего и красного цвета. Женские и мужские рубахи, платки и мужские штаны изготавливались из домотканого крапивного холста и расшивались сложнейшими узорами. Особенно нарядно выглядели женские рубахи, у которых все переднее и частично боковые полотнища, рукава и обшлага, подол, верхняя наспинная часть заполнялись вышивкой. Мастерницам были известны четыре технических приема: продернутый шов, хантыйская (мансийская) вышивка, русская вышивка и вышивка крестом. Каждому виду шва соответствовал определенный набор орнаментальных мотивов.

Северные группы хантов и манси, а также ненцы, живущие по Оби и ее притокам выше Ханты-Мансийска, славятся, прежде всего, своим искусством в изготовлении меховых изделий. Основным материалом служит олений мех. Для каждой вещи предназначается шкура с оленя определенного возраста и с определенных частей туловища. Так, на шапки-капоры идет мех «пыжика» - новорожденного теленка, на шубы требуется шкура «неплюя» - трехмесячного теленка, а для постилки в чумах и для изготовления замши годится и «постель» - шкура взрослого оленя. Наиболее ценной считается шкура с ног оленя - «камус», так как она обладает высокой прочностью и блестящим ворсом.

Камус незаменим при создании меховых мозаичных узоров. Для этого берутся две полосы камуса, темная и светлая, складываются вместе и из них вырезается узор в виде сплошной ленты со сложными изгибами. Мозаичные узоры из меха - одна из составляющих декоративного убранства женских шуб. Вторая составная заключается в цветовом чередовании частей изделия: стан и рукава кроются из светлого меха, а широкая пришивная полоса к ним - из темного. Между изделием и пришивной полосой вшиваются узорные ленты меховой мозаики. Таковы декоративные основы обско-угорских шуб. Ненецкие рукодельницы славятся умением подбирать основные цвета оленьего меха, белого и коричневого, и их оттенков при пошиве одежды. Игра цвета на меховой поверхности изделия - главное средство их декоративной отделки. Для пожилых людей выбираются солидные и темные тона, для молодых и любящих пощеголять - чередование темных и светлых полос. Но для всех возрастов чисто белые изделия являются самыми нарядными и праздничными.

Кроме одежды искусство меховой орнаментации выступает на первый план в еще одной сфере - на предметах домашнего обихода, точнее, на меховых мешках и сумках разных размеров. Большие сумки, предназначенные для хранения одежды, имеют горизонтально вытянутые пропорции. Их переднюю стенку раньше украшали кусочками темного и светлого меха, подобранными в шахматном порядке, а в настоящее время здесь расположены вертикальные полосы меховой мозаики.

Размещенные вдоль стен чума на меховых подстилках, сумки служат едва ли не единственной декоративной деталью внутри жилища, поскольку условия кочевого образа жизни северных хантов и манси, ненцев предопределили минимальный набор предметов для внутреннего убранства чума. Сумки для хранения швейных принадлежностей меньше по размерам, их высота превышает ширину. Эти сумки рукодельницы украшают особенно тщательно и изысканно, ведь они их творческое лицо, показатель мастерства. Среди многочисленных обязанностей женщин Севера на первом месте стоит пошив одежды: за лето в условиях перекочевков нужно было обновить запас зимних костюмов для всей семьи, поэтому к сумочкам, где хранится важнейший женский инструментарий, существует очень бережное и внимательное отношение.

Художественным символом восточных хантов и южных (нарымских) селькупов, обитающих в Среднем Приобье, можно с полным правом назвать берестяную утварь. Эти народы знали восемь способов декоративной обработки бересты, но наиболее популярным является выскабливание. На поверхность внутреннего слоя бересты, предварительно подкопченную и смоченную, от руки наносят ножом контуры узоров, а затем соскабливают узорные части. В результате на темно-коричневой поверхности проступают желтые узоры. Выскобленными орнаментами, включающими в себя мотивы из ромбов, зигзага с отростками и уголками, а также стилизованные изображения животных, украшают круглые коробки, кузовки, корытца, ведерки, черпаки и прочую берестяную утварь.

Так же как и меховые сумки, изделия из бересты оживляют внутренний интерьер срубного жилища, располагаясь на настенных полках. Орнаментальные традиции на бересте выработаны под сильным влиянием культа медведя.

В настоящее время внимание мастериц все чаще привлекает к себе бисер, потеснивший традиционные материалы - мех, бересту. Народам Западной Сибири известны два технических приема художественной отделки бисером: нанизывание в виде ажурной сетки, которая обычно пришивается к предмету или тканевой основе, и нашивание на ткань бисерных нитей или сгруппированных по три или пять штук бисеринок. В первом случае создаются разноцветные узоры сложных форм, во втором - бисерное убранство выглядит скромнее. Бисер используется при изготовлении женских украшений, поясов, как отделка для платьев - все это не противоречит декоративным устоям сибирских народов. Однако, наряду с традиционными, появляются и новаторские направления в применении этого материала: кошельки, сумочки для косметики, браслеты для часов. В наши дни наблюдается возрождение бисерного творчества, а в конце XIX века отмечался спад интереса к таким украшениям.

На рубеже XVIII - XIX веков в Западной Сибири появляются эвенки, перекочевавшие сюда с Сыма. Их декоративное творчество охватывало преимущественно меховую и ровдужную одежду и обувь, особенно праздничные их экземпляры, сохранившие древние черты кроя. В результате создавались яркие и красочные крупномасштабные композиции, дополненные обильными подвесками из ровдужных полос и бахромы, конского волоса, лент ткани, бисерных нитей.

Традиционное народное искусство теснейшим образом связано с домашними ремеслами, произрастает из них, облагораживая предметный мир, окружающий человека в его повседневных нуждах. Именно сочленение в конкретной обыденной вещи ее функционального назначения, смысловой нагрузки и декоративного оформления и предопределило большую жизнеспособность художественных традиций народа.

Ольга Рындина

//Сибирская старина. -1994.-№8(13).- С. 16-17

Сибирские «ниндзя»

Культ видео породил у наших современников, особенно молодых, стойкий интерес к восточным единоборствам. Продолжением и отчасти реакцией на это стало стремление других найти и возродить славяно-горицкие боевые искусства. А что известно на этот счет о коренных сибиряках? Они, к сожалению, тоже не миновали на своем историческом пути этапа «войны против всех, когда каждый мужчина был, прежде всего, воином. Это требовало от него недюжинных физических возможностей.

Во время столкновения, как повествуют исторические предания, воину приходилось преодолевать пешком огромные расстояния, взбираться на деревья, прыгать с них так, чтобы упавший с ветвей снег тут же засыпал следы и маскировал человека, проделывать под снегом лазы, отсиживаться в воде, дыша под болотными кочками... Даже в мирные передышки постоянно требовались сила и физическая выносливость, без них охота и рыбалка - основные хозяйственные занятия дорусского населения Сибири - были немыслимы. А если ко всему этому вспомнить еще и о непростой природной обстановке в Сибири, условиях, в которых жили наши предшественники, то станет очевидно, что в той жизни слабому места не было.

Первый урок закаливания человек получал уже при рождении. На время родов женщину отселяли в отдельное - «нечистое» - жилище, как правило, неотопливаемые чум или землянку. У некоторых народов практиковалось растирание новорожденного снегом. И все свое раннее детство ребенок проводил почти в тех же условиях, в которых жили его взрослые сородичи: ездил в привязанной к оленю или нарте колыбели при перекочевках, спал на снегу зимой и под открытым небом летом...

С ранних лет мальчиков и девочек воспитывали по-разному. В восьми-десятилетнем возрасте из мальчика начинали готовить воина и охотника. Существовали целые циклы обучения подрастающего поколения воинскому искусству. У юкагиров, например, он назывался «кичил» - наука, учение. В первую очередь у подростка формировали ловкость и учили приемам обороны. С этой целью эвенки, в частности, бросали в обучаемого сначала горячие угольки, а затем и камни, от которых он уклонялся. После дело доходило до стрел с тупыми наконечниками - требовалось либо отбивать их своим луком, либо увертываться от них. В этом упражнении была масса вариантов: стрельба с разного расстояния, прицельные выстрелы в человека на дереве, от которых он должен был прыгать вниз. Юкагиры стреляли в обучаемого с четырех сторон. Одновременно мальчик учился стрелять сам. Детский лук и стрелы - излюбленная игрушка коренных сибиряков. Положения для стрельбы осваивались самые разные - стоя, лежа, сидя на земле или движущихся нартах, лодке. Юкагиры добивались, чтобы юноша попадал в цель из лука, прыгая через стоящих людей.

Применялись и совсем экзотические упражнения. По описаниям В. И. Иохельсона, те же юкагиры в прошлом веке ставили обучаемого «на четвереньках таким образом, что одна нога закидывалась за другую и руки сцеплялись пальцами. Два человека раскачивали на веревках, низко к земле, тяжелое бревно, и юноша должен был, не размыкая рук и ног, пропускать под себя бревно, то поднимаясь в воздух, то опускаясь на землю...»

К пятнадцати-шестнадцати годам цикл обучения заканчивался. К этому времени юноша уже самостоятельно охотился и рыбачил, умел построить жилище, управлялся с оленями и лошадьми, участвовал в военных набегах или обороне от врагов. И, конечно же, мерился силой и удалью со своими сородичами. Это было одним из наиболее зрелищных, эмоционально насыщенных и любимых занятий коренных сибиряков, украшением их праздников. В легендах и мифах хантов, повествующих о деяниях их богатырей, часто упоминаются специально построенные около крепостей площадки для военно-спортивных состязаний. Подобная же площадка обязательно устраивалась эвенками рек Кеть и Сым, когда они на одну - две недели съезжались на обрядовый праздник иконипко.

Распространенным видом соревнований сибиряков, принимавшим иногда весьма

причудливые формы, были прыжки. Помимо прыжков в длину на двух или одной ноге практиковались прыжки в высоту: через натянутые между двумя столбами ремни, через колоду или поваленное дерево. Причем эвенки в последнем случае усложняли задание требованием держать корпус прямо и не шевелиться. Нганасаны зимой устраивали соревнования по перепрыгиванию через груженные и поставленные в ряд нарты. О своем фольклорном богатыре Сангуде они рассказывают, что он, съев целиком оленя, перепрыгивал через семь нарт.

Бег тоже разнообразился в зависимости от времени года и традиций того или иного народа. Летом чаще всего соревновались в скорости. При этом эвенки преодолевали дистанцию не только бегом, но и прыжками. Зимой состязались в беге на лыжах или без них, по рыхлой снежной целине. В последнем случае учитывалось не только расстояние, но и легкость, с какой бегун преодолевал сугробы.

Как и у других народов, любимым состязанием сибиряков была борьба. Эвенки боролись, обхватившись руками и упершись друг в друга головами. Каждый давил на противника до тех пор, пока у кого-то из них не начинали трястись ноги - это считалось признаком поражения.

Порой соревнование достигало максимального эмоционального накала. Можно ли было остаться равнодушным, наблюдая танец-борьбу эвенкийских богатырей? Вот как выглядит это при прозаическом пересказе фольклора: «Устраивали большой танцевальный круг, в который вставали мужчины обеих воюющих сторон. Когда темп пляски становился достаточно высоким, в круг входил один их сонингов (богатырей) и задавал еще более высокий темп, которого не могло выдержать большинство танцующих. Второй сонинг отвечал на вызов и, войдя в круг, брал первого за руки и включался в танец. Не прерывая движения по кругу, они начинали с силой жать друг другу руки и, строго по очереди, пытались рывком заставить противника потерять равновесие и коснуться коленом земли. После того как кто-то оказывался побежденным, начиналась рукопашная схватка, в которой также надо было заставить противника упасть на колени».

Отдельно надо сказать о соревнованиях на воде. Удивительно, но факт: почти все сибиряки-аборигены - потомственные рыболовы с тысячелетним «стажем» - не умели плавать. Поэтому состязания включали в себя различные упражнения на лодках-долбленках, известные в Нарымском крае под названием «обласок», или на берестяных и кожаных лодках, ныне уже вышедших из употребления. Обычно устраивали гонки на время.

Часть спортивных состязаний - стрельба из лука, бои на тупых мечях, рогатинах и пр. - имела военно-прикладное значение. Другие единоборства были призваны развить умения и навыки, необходимые для хозяйственных занятий. Например, эвенки - непревзойденные оленеводы северной Азии - забавлялись тем, что, отогнав от стада важенку, оставляли ее один на один с человеком. Он должен был удерживать животное, устремляющееся обратно к стаду. Существовали и вовсе уж экзотические состязания; например, ханты метали ногами друг в друга каменные глыбы.

Сейчас много говорится о культурном возрождении сибирских аборигенов. Это не может не касаться и физической культуры. Аккумулированный в ней тысячелетний опыт сибиряков, направленный на выживание в нелегких природных условиях, требует самого пристального к себе внимания, ибо он может пригодиться и сегодня.

Яков Яковлев

//Сибирская старина. -1994.-№8(13).- С. 9-10

Празднование Нового года у коренных жителей края

Народности, жившие на территории нашего района в древности, вели летоисчисление по лунному календарю. Названия месяцев и их срок не совпадали у тех

групп людей, которые занимались рыболовством, с названиями тех, для кого основным видом хозяйственной деятельности была охота. Не совпадали сроки и названия даже у тех, кто жил в разных местностях, тоже занимаясь рыболовством.

Связано это было, вероятно, с тем, что лед сходил на Оби и ее притоках в разное время и разные рыбы (некоторые) были наиболее распространены в этих местах. Поэтому и наступление Нового года в разных местах не совпадало. Правда, разница в сроках незначительна.

Жители низовьев Кети, там, где она протокой Пурьянгой выходит в Обь и близлежащих обских сел съезжались в древний город на встречу Нового года в конце июля или в начале августа. День этот определялся, вероятно, шаманами. Определялся он особым положением Луны (Итте), Большой Медведицы (невод Итте, его золотая колесница или Могучий Лось), Млечного пути (Великая небесная река или Великая небесная дорога).

Семь дней вступал на Землю Новый год, уходил старый. В один из дней этих собирались все мужчины и подростки-мальчики на святилище. Это на острове, в священной роще, у ритуального дерева или у амбарчика – символа Родины.

Подростков посвящали в духовную жизнь своего народа. Они узнавали о жизни Итте небесного, божества, которому и был посвящен этот праздник: об Итте-богатыре; Паннегюсе – великане-людоеде, их поединках, как вечной борьбе добра и зла; подвигах богатырей; об иерархии духов; о верхнем, среднем и нижнем мире и многом другом, что являло собой духовность народа. Честь отцу, чей сын знал больше всех. Этот день был действием сложного обряда жертвоприношения богу, духам.

В один из дней проводился обряд жертвоприношения духу Оби, чье жилище все еще находится рядом с поселком.

Ночью, если было ясно, а это очень важно для наступающего года, люди увидят светлый лик молодого Итте. На высоком чистом мысу, омываемом водами большой и малой рек, на игрище разложено семь ритуальных костров, повторяющих рисунок созвездия. Засиял на небе светлый лик Итте, вспыхнули костры, встали в круг мужчины с копьями в руках, иногда говорят – это были легкие весла пером вверх. Заклинания и танец воздадут славу Сунгу (Шунги) – солнцу, Итте – месяцу. Сегодня ночью охладит Лось воду в реке и начнется вандж-ирэт (месяц, когда рыба, давшая ему название, идет особо яро). Уйдет вандж-ирэт, придет месяц царь-рыбы квыгр-ирэт (месяц осетра). Это уже конец августа и начало сентября. Вступил на Землю Новый год, а завтра, как и ежедневно, Небесная Мать на кончике солнечных лучей (Ильсат) пошлет души новорожденным. Начнется сбор ягод, трав, заготовка сена. Скоро зима.

Т. Кудряшова
//Советский Север. -1991.-1 августа.- С. 2

Томские татары

Сведения о тюркоязычных группах в Сибири появились в китайских хрониках до нашей эры. Интенсивная тюркизация коренного самодийского населения Западной Сибири началось в первые века новой эры (хуннскую эпоху) и продолжалась в течение последующего тысячелетия. Временем проникновения тюркских племен на территорию современной Томской области можно считать период великого переселения народов, а именно 4-5 вв.н.э. после распада Гуннской державы.

На начальном этапе этногенеза сибирских татар и томско-обских тюркоязычных групп в бассейне р. Оби определенную роль сыграли кыргызские и телесские племена. Кипчаки, принимавшие непосредственное участие в формировании многих тюркоязычных народов, считаются ближайшими историческими предками разных

этнографических групп сибирских татар. Предположительно, уже в 7 веке юг современной Томской области был заселен в основном тюрками. С 9-12 века прослеживается массовое появление тюрков в томском Приобье. В тот период времени тюркские племена оказались в вотчине монгольского хана, одного из сыновей Чингисхана. К 12-13 вв. тюркские племена стали занимать территорию низовья в реки Томи, и территории простирались до реки Енисей.

По мнению известного лингвиста А. П. Дульзона, тюркизация местного населения происходила волнообразно. Одна волна, наиболее ранняя, шла с юга по рекам Обь и Томь, и отсюда распространялась к востоку на реку Чулым. Эта волна принесла тюркское приращение (су) в названиях рек (ИкСУ-Икса, ТомСУ-Томь). Другая волна, более поздняя (7-8 вв.), шла из минусинских степей района обитания Енисейских кыргызов спускаясь к Чулыму по Черному и Белому Юсам, таким образом к 16 веку на территории Западной Сибири сформировалась этническая группа, получившая позднее от русских название "ТОМСКИЕ ТАТАРЫ", представленная эуштинцами, чатами и калмаками (потомками телеутов).

Сам термин томские татары употреблялся первоначально лишь относительно эуштинцев и других мелких групп тюрков, населявших Притомье ещё до прихода русских. Чаты подкочевали сюда гораздо позднее, уже в период русской колонизации Сибири.

В 1662 группа телеутов ("белые калмыки") во главе с князем Ирккой Уделековым и братьями Коановыми приняла русское подданство, присягнув в Томске. После этого северная группа телеутов осела вблизи Томска в соседстве с чатами. В прошлом среди томских татар бытовали названия и самоназвания отдельных групп-яушталлар (яуштинцы), цатгыр (чаты), калмыктар (калмаки). Наряду с этнонимом сибиртарлар, сибиртатарлар (сибирские татары) были и другие общие названия - исашные (ясашные) инородцы.

Язык томских татар относится к кыпчакско-булгарской подгруппе кыпчакской группы тюркских языков и образует томский диалект языка сибирских татар. Он делится на два говора - калмыкский и эуштинско-чатский. Для языка томских татар характерны восточно-тюркские и поволжско-татарские черты.

В прошлом среди томских татар бытовали названия и самоназвания отдельных групп: яуштарлары (эуштинцы), цатгыр (чаты), калмыктар (калмаки). В 16-17 вв. среди этнической группы: эуштинцев, басандайцев, евагинцев (тегильдеевцев), обусловленное деление сохранилось.

Переселившиеся на Обь эуштинцы образовали обских тюрков (умар татарлар), которые расселились, в основном, в Шегарской, Соргулинской волостях. Там они были обращены в христианство и родственных связей с эуштинцами-мусульманами не поддерживали. Некоторые семьи эуштинцев продвинулись на юг, вверх по реке Томи, и поселились в юртах Константиновых телеутской волости, принадлежавших калмакам. В 16 веке на территории Сибири были известны различные группы татарских племён. Вблизи сегодняшнего г. Томска кочевали татарские племена князей Тояна, Еваги, Басандая, Акшена. Одни из них занимались скотоводством и охотой, другие - скотоводством и рыбной ловлей, третьи - всем понемногу.

Племена жили разрозненно, между ними часто возникала вражда. Но был у них и общий враг - киргизы (хакасы) и калмыки, жившие в пределах Минусинских и Алтайских земель. Территорию, лежащую в устье реки Ушайки, занимало племя эуштинских татар, во главе которых стоял князь Тоян. На юге эуштинцы граничили с басандайскими татарами, на севере - с татарским племенем Еваги.

В 90-е года 16 века еще не закончилась борьба против остатков орд Кучума и помогавших ему кочевников - ногайцев. Жить и бороться в одиночку было очень трудно. Поэтому, видимо, первыми приняли русское подданство барабинские татары. Их примеру последовал и князь эуштинских татар - Тоян. Его племя было малочисленным,

насчитывало всего лишь 300 человек мужского населения. Основная летняя стоянка племени располагалась за рекою Томью на территории сегодняшнего дачного городка.

Одежда

Национальная специфика одежды, больше сохраняется в женской одежде, хотя многие виды её и трансформировались, приблизились к современным образцам. Так, некоторые татарки считают своей национальной одеждой рубашки на кокетке, олов, воротник и рукава которых шьются в основном по покрою современных платьев. В то же время некоторые виды этих нагрудников приблизились к форме фартука. Изменилось и применение их - под рубашку их одевают редко, а чаще сверху платья, используя их при мытье посуды и приготовлении пищи, молодые женщины прикрывают ими грудь при кормлении ребенка. Многие пожилые женщины носят верхние штаны с широким шагом тюркского типа, но чаще и они заменяются обыкновенными шароварами, либо спортивными брюками широкого покроя. Носят их обычно навыпуск, либо заправляют в сапоги. В некоторых семьях верующих татар шьют шаровары для девочек и заставляют их носить даже в самую жаркую погоду.

В мужской одежде из национальных её видов сохранился в калмакских деревнях сырмак, который имеет сейчас малые отличия от обыкновенной ватной, стежной безрукавки (часто шьется с накладными карманами). Носят его обычно лишь в домашней обстановке. Кроме него некоторые старики носят широкие штаны домашнего пошива.

Из традиционных головных уборов мужчины часто носят тюбетейки, которые, как и в прошлом, подразделяются на два вида: тюбетейки полусферического и конусообразного покроя и покроя в виде усеченного конуса (каляпуш). Но если первый тип, по покрою идентичный среднеазиатским тюбетейкам, находит иногда распространение и среди молодых мужчин, то каляпуш носят обычно старики, одевая их при сборах на религиозные моления, на свадьбы и праздники.

Женщины среднего и пожилого возраста любят носить платья и длинные цветастые шали (иногда с кистями), но старинный способ подвязывания их двумя концами под подбородком используется редко.

Многие виды одежды томских татар были аналогичны с одеждой других групп сибирских татар, сходство их было отмечено в XVIII в., что могло явиться как отражением давних историко-культурных и, отчасти, генетических связей, так и результатом развития этнической консолидации среди западносибирских татар.

В одежде томских татар довольно четко выделяется местный комплекс, к которому относится в одежде налобная повязка, женская рубаха кинек, штаны чамбар, мужские штаны из овчины, местного типа шуба, безрукавка сырмал, сырмак; в головных уборах - шапки тагыя двух видов, войлочная шапка - борок; в обуви - короткая обувь чарык. Возможно, что существовавшие в прошлом сапоги с двумя швами на голенище своим распространением обязаны связям томских татар с алтайцами, либо отражают давнее монгольское влияние. Бытовали головные уборы, по форме совпадающие с бархатными мужскими тюбетейками на твердой основе типа фесок, широко известными у мусульманских народов. Сибирские татарки называли их колками (колфаками). Шили их из бархата, шелка, либо плюша вишневого, бордового, зеленого и других цветов на сатиновом или ситцевом подкладе. В тулье между подкладом и наружной тканью вставлялась картонная прокладка шириной 6 -7 см. Верх такой шапки был плоским, выкраивался кружком, диаметром меньшим, чем диаметр нижней части тульи. В целом шапка представляла собой как бы сильно усеченный конус. Их иногда расшивался узорами из золотых нитей. Шире такие головные уборы были распространены в тоболо - иртышской группе, хотя встречались в отдельных поселениях томских и барабинских татар.

У томских татар женщины носили чаще в качестве праздничных головных уборов небольшие шапки цилиндрической формы с плоским верхом. Видимо, о них писал во 2-й половине XIX в. Н. Костров: "...бархатная плоская шапочка, околыш которой летом

обшивался золотым галуном, зимой - мехом, а края - золотой бахромой". Почти подобное описание мы встречаем и относительно головного убора барабинской женщины середины XIX в., который представлял собой "...бархатную шапочку с околышем из золотого галуна шириною вершка в полтора, нижний край этого околыша и верхушка шапочки обшиваются кругом золотою бахромою". Зимние женские головные уборы сибирских татар порой являлись вариантами некоторых летних и праздничных шапок. Такие летние и зимние шапки носили томские татарки. Верх их был плоским. В прошлом они опушались также мехом выдры, бобра, лисицы. При этом в таких уборах мех пришивался полоской лишь внизу тульи. По отношению к ним применяли термин бурек (бёрюк).

Жилища

Землянка: Сведения о жилищах наиболее ранних типов в литературе, к сожалению, очень отрывочны. В XVII в. среди тюркских групп Притомья широко бытовали землянки и полуземлянки, используемые в качестве зимних жилищ и называемые, как и поселения, юртами. Некоторые типы древних жилищ, относящиеся к до русскому населению юга Томской области, связываются местными жителями с легендами о "чуди" или "черных людях" и называются "чудскими". Известно, что у сибирских татар существовало до прихода русских жилище в виде четырехугольного сруба. Летних жилищем служили каркасные постройки, сооружаемые из жердей и покрытые либо берестяными тисками, либо войлоком, либо рогожею, а у обских татар, кроме того, шкурами лосей. Телеутам (в том числе и группе калмаков) и сибирским татарам известны были также шалаши с плетеными стенками. Для обозначения летних жилищ типа шалаша применялись термины утоу у эуштинцев и оду у (калмаков). Память о распространении в прошлом шалашей со стенками из хвороста в качестве жилищ сохранилась среди калмаков до сих пор. Одним из наиболее древних видов жилищ телеутов были подземные сооружения. "Прежде они делали себе хижины в ярах или в расщелинах гор, так что гора служила оградой с трех сторон, крышу и переднюю сторону делали из хворосту и прочее"- писал И. Георги. В середине XVIII века, по его же данным, такие жилища уже исчезли.

Мазанки: Широко распространенными в телеутских селениях были мазанки с плетеными стенками. Позднее такую постройку описал и привел её рисунок В.Радлов, который отметил, в частности, широкое бытование её среди оседлых уже в тот период телеутов. Описываемое В.Радловым жилище в плане было прямоугольным, наполовину вкопанным в землю, стены были сооружены из сплетенных прутьев и обмазаны глиной и землей, крыша плоская со слоем земли сверху, пол глиняный. Сбоку мазанки были пристроены дощатые сени, в передней стенке имелись два небольших окошка. Этот вид жилища с плетеными из прутьев стенами, обмазанными глиной, находит аналогии с жилищами шорцев, телеутов, кызыльцев, барабинских татар. Данные постройки, произошедшие из пещерных жилищ телеутского типа, свидетельствуют об этнокультурных связях между этими народами и группами.

Постройки 19 века: В конце XIX в. в томско-татарских деревнях основными типами жилищ были бревенчатые дома(ий), более же старинные типы жилищ (землянки, полуземлянки, мазанки и т. д.) статистикой отмечены не были. В то же время необходимо отметить, что в единичных случаях в некоторых селениях последние (особенно полуземлянки) использовались в качестве жилья и в более позднее время (в том числе и в первые годы Советской власти). Кроме того, в конце XIX-начале XX вв. томскими татарами строились так называемые летники - полевые постройки, в основном земляного типа - в 1894 г. в томско-татарских деревнях их насчитывалось 19.

Питание

Основные пищевые продукты тюркоязычным группам томского Притомья в XVII веке давали их главные занятия - охота, рыболовство. Помимо этого скотоводство, которое они вели в небольших масштабах, было источником получения молока и мяса. Довольно значительной среди продуктов была доля дикорастущих трав и ягод, кедрового ореха. Зерновые продукты занимали небольшое место в пище потому, что примитивного

типа мотыжное земледелие не могло дать значительного количества хлеба, да и не все местные турки им занимались. Мясо и рыба были основными продуктами питания томских татар. На протяжении XVII-XVIII вв. определялся и состав скота, который они содержали и кололи на мясо. Еще до прихода русских ели конину, с приходом русских увеличилось значение говядины и баранины. Свинину употребляли в пищу лишь те татары, которые были обращены в христианство.

Бедняки высушенную рыбу толкли в ступках и использовали затем в качестве приправы для супа. Употребляли рыбу и в жаренном виде, используя для этого сковороды. Также жарили и икру. На рыбацких стоянках татары готовили рыбу прямо над костром на палочках (устраивались своеобразные рожны). В пищу татары не употребляли лишь один вид рыбы - щуку, считая её нечистой, некоторые татары объясняли свое отрицательное отношение к щуке тем, что в голове у нее есть крестообразная костяная фигурка и поэтому мусульманам её есть нельзя. Такое отношение к этой рыбе нашло свое отражение и в татарском названии её - цоцпас, из двух слов цоцка палык "свиная рыба". Под влиянием русских распространилось употребление рыбы в качестве начинки для пирога.

Зимой рыбу ели и в замороженном виде, разрезав её на мелкие кусочки, либо настрогав стружками. Некоторые способы заготовки рыбы впрок и употребления её в пищу томских татар сходны были до революции с таковыми способами хантов, манси, селькупов, ненцев, кетов, западных групп эвенков, якутов, северных алтайцев, чулымских тюрков и других народов и групп, занимавшихся речным озерным рыболовством. Значительное сходство в рыбных блюдах обнаруживается у томских татар с соседними барабинцами, у которых рыбная пища нередко оказывалась по значению на первом месте. Употреблялись татарам Притомья в пищу яйца, которые варили всмятку или вкрутую, ими заправляли супы, начиняли пироги, из них жарили яичницу.

Значительное место в пищевом рационе томских татар, как мы уже отмечали, занимали зерновые продукты. Употреблялись они в виде муки (ун), а также в виде круп (йарма). В наибольшем ходу была ржаная мука, но употреблялась и пшеничная. Из муки пекли лепешки, хлеб (йкак, йпток), делали домашнюю лапшу (узун, аш), заправляли супы в виде клецек или галушек (умац, цумар, умар), пекли пироги, печенье и др. Из круп варили каши (потка), особым почетом пользовалась рисовая каша. Почти все виды круп покупались татарами в лавках. В прошлом из ячменных зерен приготавливали талкан, для чего ячмень толкли в ступке (толченый ячмень - сярпа), а затем размешивали его в воде или молоке. Позднее вместо ячменя для этой цели стали использовать пшеничные зерна (толченая пшеница, употребляемая с молоком, - арпа). Из ячменя же приготавливали брагу (пуза).

Использование зерна и муки в питании томских татар, изготовление таких блюд, как талкан, арпа, могут рассматриваться как давняя традиция местного тюркоязычного населения. Исследователи не отрицают полностью наличие земледелия у тюрков Притомья до прихода сюда русского населения в начале XVII в. Оно известно было и некоторым другим группам сибирских татар.

Из овощей томские татары в конце XIX в. употребляли картофель в качестве приправы для супов, а также в вареном и жареном виде как самостоятельное блюдо. Из других овощей назовем капусту, огурцы, лук, чеснок, репу (её иногда употребляли вместо картофеля). Основную массу овощей татары закупали, иногда обменивали на мясо в соседних русских деревнях или в Томске.

В летний период в лесу рвали черемшу (колба), которую употребляли как в сыром виде, так и в засоленном (иногда засыпали её на длительный срок). Собирали ягоды, которые ели свежими, а под влиянием русских распространилось приготовление варений. Черемуху сушили и мололи, в смолотом виде её могли хранить долгое время и использовать для выпечки пирогов (толченая черемуха - липса). Из некоторых видов ягод (особенно из черники) приготавливали пастилу (как) - сначала ягоду варили, затем протирали

сквозь сито на доску ровным слоем и высушивали. Этот способ консервирования ягоды известен также барабинским и казанским татарам. Выкапыванием корней растений, сбором дикорастущих трав (кроме черемши) и грибов томские татары в этот период почти не занимались и в пищу их употребляли крайне редко. Определенным вниманием пользовались кедровые орехи, которые ели в виде лакомства, а также иногда добавляли в суп. Но в основном орехи запасали для продажи. Из сладостей, доставляемых собственным хозяйством, отметим значение меда. Особенно в большом количестве он употреблялся в пищу до появления сахара.

Наиболее распространенным напитком томских татар был чай (цай, чай), который пили обычно с молоком, мёдом, сахаром. В большом почёте был кирпичный чай, но употребляли и байховый. В некоторых бедных семьях, а также на рыбалке заваривали чай листьями смородины, малины. Из мёда и воды готовили напиток шербет. Выше мы говорили об употреблении татарами сырого молока и напитка из кислого молока - айрана. От русских татары научились готовить квас и некоторые виды браги. В то же время сохранялся и местный способ изготовления браги из ячменя, которую называли пуза. Из крепких алкогольных напитков томские так же, как и другие татары, пили водку (араки), вина же почти не употребляли.

Средства передвижения

Средства передвижения сибирских татар остаются еще слабо изученными. Единичные сведения в этнографической литературе приведены по лыжам и лодкам. Выявлено несколько типов подводок и голиц. К приходу русских местные тюркоязычные группы использовали для верховой езды лошадь. Об этом свидетельствуют находки стремян, в погребениях «Тоянова горка» и Басандайки, кроме того, лошадь использовалась татарами для несения службы в Томском гарнизоне в 17 веке. Верховая езда использовалась в пастушеском занятии, при срочных поездках в соседние города и села. В некоторых деревнях верхом на лошади проверяли охотничьи капканы и ловушки, и охотились на волков.

К приходу русских у местного тюркского населения были и нарты. Пользование ими сохранилось в 17 веке при несении татарами военной службы, в походы зимой отправлялись на нартах, которые они, по всей видимости, сами и изготавливали.

Ручные нарты, используемые охотниками для вывоза добычи из леса, бытовали, вероятно, и позже.

Основным средством передвижения тюрков Притомья зимой в начальный период колонизации были лыжи. Лыжи были незаменимы в условиях таежной и лесостепной полосы. В первой половине 18 века, нередко было использование лыж и для военных переходов в составе русских отрядов.

Среди всех трех групп томских татар (калмаков, эуштинцев, чатов) были распространены как подшитые лыжи, так и голицы. Подшитые лыжи, относящиеся к типу скользящих, употреблялись обычно в зимнее время для передвижения по глубокому рыхлому снегу. Голицы же чаще всего использовались весной при хождении по твердому насту.

Летом в качестве средства передвижения широко использовались лодки (КЕМЕ, КИМО, КАЯМА). Относительно эуштинцев имеются некоторые предположения о применении ими в прошлом плотов. Основанием для этого служат фольклорные данные – многие жители Эушты рассказывали легенду о том, что их предки жили раньше где-то на юге, а затем на плотках приплыли в район Притомья, в языке эуштинцев для обозначения плота сохранился местного происхождения термин САЛ.

В 17 веке аборигенное население Томского уезда изготавливали лодки из бересты. В прошлом берестяные лодки были широко распространены по Западной Сибири.

Основным типом лодки у томских татар была долбленка, изготовлением которой они занимались еще до прихода русских. В конце 19 – 20 вв. лодки имели неодинаковое бытование, среди чатов и калмаков они встречались реже, чем среди эуштинцев и обских

чатов, в занятиях которых рыболовство продолжало занимать не последнее место, в некоторых томско–татарских деревнях были свои мастера по изготовлению лодок, часто их покупали у темерчинцев Каштаковских юрт на Оби. Калмаки и эуштинцы в прошлом изготовляли долбленые лодки типа колодообразных, но они имели ограниченное распространение. Длина их доходила до 5 м.

История томских татар
//<http://tomsk-tatars.narod.ru/>

Русские сибиряки

Как известно, русское население начало складываться в Томском крае в - конце XVI—начале XVII вв., когда были основаны первые городки-остроги: Нарымский, Кетский, Томский.

Основная масса первопоселенцев была из северных и северо-восточных уездов России, откуда и шли первые пути в Сибирь. Однако уже среди первых переселенцев были выходцы из центральных и южных губерний, существенно отличающиеся по своим культурно-бытовым традициям от севернорусов. Например, в составе первых жителей Томска были выходцы из Великого Новгорода, Москвы, Устюга, Соликамской, Сольвычегодской, Холмогор, Костромы, Галича, Ярославля и других. По подсчетам лингвистов, русское население г. Томска в 1604—1650-х гг. состояло из 6 частей севернорусов, 2 частей среднерусов и 1 части южнорусов. В целом в Среднем Приобье русское население складывалось из служилых людей и их потомков, крестьян-переведенцев, ссыльных и свободных поселенцев, причем служилые люди и их потомки составляли больше половины всего населения. Из-за нехватки хлеба служилые люди уже в XVII в. были переведены на службу «с пашни», а затем зачислены в сословие государственных крестьян.

Служилые люди, конные и пешие казаки стали основателями многих томских сел и деревень, в названиях которых до сих пор сохранились их имена и фамилии, а среди жителей— прямые потомки. В притомских селениях это Рубины, Попадейкины, Карташевы, Аркашевы, Поповы, Нелюбины, Бурнашевы, Вороновы, Жарковы, Зоркальцевы, Вершинины, Иглаковы, Карбышевы, Коневы, Ларины и др.

Название «чалдоны» воспринималось в недалеком прошлом большинством старожилов как обидное, неприятное прозвище, да и употреблялось оно чаще всего с обидными эпитетами «желторотый», «желтопупый». Однако со временем прозвище утратило обидный оттенок и стало закрепляться как самоназвание сибиряков, что отражают и словари сибирских говоров. Для объяснения этого термина довольно распространены так называемые народные этимологии: переселенцы с рек Чала и Дона, с Чалдона-озера, от слова «чалить» - приплыть с Дона и т. п. Но все это не более как попытки найти подходящее и приемлемое значение слова из своего же языка, тогда как, скорее всего, оно происходит из чужого языка. Судя по словарю В. Даля и другим старинным словарям, это слово, скорее всего, монгольского происхождения: челдон-бродяга, беглый, варнак, каторжник. Дело в том, что, как и многие другие этнонимы, «челдоны» не было самоназванием старожилов, а так называли их другие, в частности более поздние русские переселенцы. Происхождение данного этнонима можно объяснить устойчиво бытовавшими в Европейской России обывательскими представлениями, что Сибирь — это место каторги и ссылки, а жители Сибири, соответственно, бывшие каторжники и беглые, каковым и было первоначальное значение слова «чалдон». Однако со временем оно почти утратило это значение и утвердилось местами в качестве самоназвания старожилов. В настоящее время есть фольклорный ансамбль «Чалдоны», Нарымское общество чалдонов и пр. И это самоназвание, каким бы ни было его

первоначальное значение, важно для истории народа — оно означает, что предки этого человека уже много поколений живут в Сибири.

Бардина П. Е.

//Быт русских сибиряков Томского края. Томск. ТГУ, 1995. С.15-17

Поселения

Выбор места. Большинство поселений сибиряков в Томском крае основывалось по берегам рек — Оби, Томи, Чулыму, Кети, Парабели, Чае и другим притокам, так как реки здесь служили первым и основным транспортным путем продвижения русских в Сибирь. Реки же чаще всего определяли планировку селений, которые обычно вытягивались вдоль берега, повторяя в своей основной и единственной улице все изгибы реки. В соответствии с течением реки выделялись Верхний и Нижний края в селении, а жители притомских селений, например, назывались «верховскими» в отличие от нарымских — «низовских», живущих ниже по течению реки. Некоторые деревни часто размещались по двум берегам небольших речек, и за частью села на другом берегу устойчиво закреплялось название Заречного края. С развитием сухопутных дорог поселения вытягивались вдоль трактов, а вблизи крупных центров густо заселялось и междуречье. Однако на значительной территории Томского края реки оставались основной дорогой не только летом, но и зимой, так как большая часть пути по зимнику, например из нарымских селений до Томска, проходила по льду рек. Реки давали воду для хозяйственных нужд и для питья, так как были достаточно чистыми, а также поставляли рыбу — один из существенных продуктов питания сибиряков. В общем, в Сибири реки были основным поселенообразующим фактором, что было характерно в прошлом для освоения лесной зоны с системой рек. Более того, в Томском крае вплоть до середины XX в. сохранялись традиции освоения новых территорий путем продвижения по рекам и их притокам до самых верховий, откуда переходили на верховья притоков других рек.

Бардина П. Е.

//Быт русских сибиряков Томского края. -Томск, 1995.- С. 6

Одним из характерных сибирских типов поселений были заимки, основанные на сельскохозяйственных угодьях. Это обусловлено сложившейся в Сибири вольнозахватной формой землепользования и залежно-паровой системой земледелия. Как тип поселения заимки известны очень давно и в европейской части России, однако в Сибири они получили наибольшее распространение, особенно в начальный период освоения новых земель. Как правило, сибиряки сами подыскивали удобные для земледелия участки, распахивали их, строили временные, а затем и постоянные жилые и хозяйственные постройки. Со временем многие заимки вырастали в деревни и села, а в архивных документах назывались то заимкой, то деревней. Но были и специальные, только сезонные поселения на время сельскохозяйственных работ. Например, в Нарымском крае они сохранялись и в начале XX в. для зимнего содержания скота. Жили на таких заимках обычно старики и молодежь, о чем даже пели в частушках: «Летом, летом — на покос, зиму — на заимочку...». Вокруг больших селений было несколько заимок - на пашнях и других угодьях. Выработанные земли забрасывались на время, - и основывались, новые заимки. Близким к заимке типом поселений был починок, основанный на новом месте с хозяйственными угодьями и, как правило, постоянным жильем.

Основным типом сельского поселения в Сибири, как и в России, были деревни, обычно небольших размеров. Например, в XVIII в. в среднем сибирские деревни имели около десятка дворов. В середине XIX в. в Томском округе насчитывалось 420 деревень, 47 сел, 6 -починков, 2 выселка и 1 станица. Число дворов в них колебалось от 1 до 250, причем в почти половине селений было не более 50 дворов.

Село, отличалось от деревни не столько размерами, сколько наличием церкви и административных органов. Впрочем, в России отличительным признаком села церковь стала считаться только с XVIII в.

Бардина П. Е.

//Быт русских сибиряков Томского края. Томск. ТГУ, 1995. С. 13

Традиции обживания края, овеянные в поселениях и жилищах томских сибиряков, уходят своими корнями не только в конкретные места выхода первопоселенцев, но и в глубокую древность. Для формирования и самоутверждения нового сельского сообщества огромное значение имели традиции престольных праздников и крестных ходов с местными святынями — чудотворными иконами, а также рассказы старожилов о предках — основателях села, чаще всего запечатленные материально в виде мощных столбов покотины, в массивных старинных постройках, а также в названиях холмов, озер, урочищ, пашен, покосов и других угодий вокруг села.

При выборе места для поселения и возведения дома практические соображения существенно дополнялись древними представлениями о благоприятных и неблагоприятных зонах и материале строительства. Обжитое пространство не ограничивалось одним домом и даже двором с многочисленными постройками, а выходило с овинами и гумнами за селения, к реке с водяной мельницей, в лес на охотничьи угодья с избушками. И всюду человека сопровождали постройки, приспособления, хорошо вписывающиеся в окружающий мир, без стремления противоречить природным закономерностям. При этом старые, уже отжившие традиции возведения построек не исчезали бесследно, а использовались в новом качестве, оживали в критических ситуациях, увеличивая запас прочности и жизнеспособности хозяйства.

Дом, в понятиях русских сибиряков, был не просто обжитым, но и святым, родным местом, благоприятность которого для человека достигалась всеми средствами, унаследованными от дедов и прадедов. Это были выбор места и материала для строительства, обряды по переходу в новый дом и вера в покровительство хозяина-домового, четкое распределение практических и ритуальных функций частей внутреннего пространства с обязательным выделением переднего угла и почитанием очага. Так, если передний угол был самым почетным и безопасным местом в доме, то и вести себя, перед «образами» нужно было подобающе.

Традиционным жилищем русских сибиряков, были срубные избы, избы-связи, а также пятистенки и крестовики. Это, казалось бы, стабильное, срубное жилище даже на протяжении исследуемого времени не оставалось неизменным, в том числе и в оценках его самими жителями. Связевые дома исчезали или превращались в длинные трехчастные срубы с центральной жилой частью, дома на подклети развивались в двухэтажные «небоскребы», пятистенки, и крестовики под «круглыми» — четырехскатными крышами считались престижнее простых изб под двускатными - «по-амбарному» крышами, а сами пятистенки в новом варианте «лишались» пятой стены, замененной дощатой перегородкой.

С развитием строительных традиций и новыми веяниями мирно уживались и соседствовали весьма архаичные приемы и конструкции, идущие из глубины веков. Такими были многие сезонные и хозяйственные постройки и приспособления: избушки, полуземлянки, овины, мельницы-мутовки и ручные жернова, конические «шиши», балаганы и шалаша, печи-чувалы и каменки, покрытия из бересты и дерна, а также дохристианские представления о домовом» очаге, пороге, и матице. Многие культурно-бытовые ценности и достижения предков находили себе место в новых условиях, так как в традиционном хозяйстве не было принято отказываться от старых вещей или бессмысленно разрушать их. Как известно, в русском бытовом православии христианская система дополнялась древними языческими представлениями.

Эти сравнительно медленные изменения в жилище, при сохранении незыблемых устоев, в 1920-х гг. сменились массовым разрушением традиционной планировки, жилищ и усадеб, особенно в крупных и пригородных селениях. На первый взгляд, изменения происходили в сторону большого удобства и носили вполне рациональный характер: из избы убирались полаты и лавки, появилась новая мебель, массивная глинобитная печь заменялась кирпичной меньших размеров, устье - печи разворачивалось к двери или боковой стене. Вместе с этим нередко убирался и передний угол с иконами, воплощающий представления о доме как микромодели храма. Потом разрушили и храмы.

Подводя итог исследованию одежды русских сибиряков Томского края, можно отметить полное подтверждение поговорки: «Сибиряк не тот, кто не мерзнет, а тот, кто тепло одевается». Для сибиряков, особенно старожилов, была характерна многослойность ношения верхней одежды, обуви и рукавиц. При этом одежда и обувь были максимально приспособлены к суровым климатическим условиям и хорошо дифференцированы в зависимости от конкретного предназначения. Теплые и прочные материалы животного происхождения — кожи, овчины, меха, собачьи шкуры, шерстяные изделия — были необходимыми элементами одежды сибиряков, обеспечивающими жизнедеятельность человека при длительном пребывании на морозе. В использовании собачьих шкур старожилам даже пришлось перешагнуть былые запреты, которые сохранились только в особых приемах обработки шкур, а также у старообрядцев.

Одежда томских сибиряков в конце XIX—первой четверти XX в. не представляла собой единого комплекса, а в значительной мере отражала разнородный состав жителей, поддерживая память о разном происхождении своих владельцев. У старожилов архаичные элементы в обработке материалов для одежды (слабая развитость ткачества, отсутствие самопряж, использование веретена-крючка и изготовление нитей без веретена, использование крапивы, применение сети и основы в качестве оберегов, обрядовое изготовление обыденных тканей) сочетались с неустойчивостью самой традиционной одежды, с ранним исчезновением ткачества и домотканины и распространением так называемого городского костюма. Некоторое влияние на зимнюю и промысловую одежду и обувь старожилов, главным образом в Нарымском крае, оказали коренные сибирские народы.

Одежда переселенцев, прибывавших в Сибирь начиная со второй половины XIX в., отличалась от одежды старожилов и других групп переселенцев, что объясняется известными областными особенностями русского народного костюма. Устойчивость традиций и экономические трудности обживания новых мест обусловили более длительное сохранение у переселенцев ткачества, домотканины, плетеной обуви и традиционной одежды. В целом переселенцам была свойственна большая яркость, красочность костюма, по сравнению со старожилами, благодаря развитой традиции вышивания, узорного ткачества и южнорусской любви к украшениям. Ими были принесены в Сибирь некоторые новые покрои одежды, иные орудия обработки материалов для ее изготовления, развитый опыт льноводства и навыки промыслов по изготовлению одежды и обуви. Прибытие переселенцев в немалой степени способствовало возрождению памяти о своих истоках, сохранению и обогащению русской культуры в Сибири. Взаимное сближение старожилов и переселенцев ликвидировало тенденцию к обособлению старожилов, которая, по-видимому, имела место в свое время и была значительно преувеличена областниками.

Отличия в одежде старожилов и переселенцев постепенно нивелировались. Это отражало общероссийский процесс того времени — распространение городского костюма, покупных тканей и готовых изделий. Более устойчиво у переселенцев сохранялась своя верхняя одежда, соответствующая климату и трудоемкая в изготовлении. Одновременно они усваивали от старожилов местную меховую одежду (собачьи дохи) и кожаную обувь. Более яркий костюм переселенцев оказал, в свою очередь, влияние на старожилов в распространении вышивки, съемных украшений, символике цвета. На протяжении

рассмотренного; сравнительно небольшого, отрезка времени одни, покрои и виды одежды (сарафаны, домотканые рубахи, повойники и пр.) сменялись другими (парочками, юбками с кофтами, покупной верхней одеждой и обувью).

Наиболее устойчиво традиционная одежда, ее безотходные покрои и домотканый материал, сохранялись у старообрядцев региона. Их одежда имела сходство с одеждой староверов других мест Сибири и России, хотя, как известно, единого старообрядческого костюма не было. Для староверов Томского края была характерна традиция строгих форм одежды, без ярких украшений и отделки, за исключением узорных поясов. Это отличало их от яркого костюма семейских Забайкалья и люляков Алтая. Строгие формы одежды, названия и некоторые поверья, касающиеся одежды, были общей чертой у старожилов и старообрядцев Приобья, что, вероятно, указывает на их общие истоки, в частности из северных и северо-восточных регионов России.

В поверьях, связанных с одеждой, выявляются, как минимум, три ее элемента, наделенных особой ритуальной значимостью: это пояс, женский головной убор и глухой ворот рубах. Именно эти детали более всего украшались вышивкой и узорным тканьем. Они прикрывали, по народным представлениям, жизненно важные части тела человека, что, возможно, восходит к древним представлениям, аналогичным восточным учениям о чакрах. Пояс служил оберегом не только для самого человека и его хозяйства, но и мерил нравственного поведения человека: отсюда понятие «распоясался» - о человеке, нарушающем требования морали. Женский головной убор, полностью скрывающий волосы замужней, женщины, должен был обеспечить успешное продолжение рода, плодородие женщины и тоже каким-то образом влиял на благополучие окружающего мира. Говорили, что от непокрытых волос женщины-простоволоски «солнце меркнет».

Осколки древних представлений скрываются, по-видимому, и в обычае ношения «глухого ворота» на мужских и женских рубахах, с небольшим вырезом под самое горло и плотно застегнутым воротником-стойкой. Этот покрой и способ ношения сохранялся даже в таких новых видах одежды, как женские парочки. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на фотографии начала XX в. Дело в том, что глухим воротом закрывалась «душа» — ямочка на шее и грудь, так как считалось недопустимым ходить «душа нараспашку» — с открытой грудью. На шее же носили и нательный крест. Как видим, не только тело, но и душу надо было беречь и - прикрывать. Даже один из старинных видов женской нагрудной одежды так и назывался — «душегрейка».

Наличие пояса и глухого ворота, - по-видимому, соответствовало представлениям о внутренней собранности человека, его вписанности в структуру человеческого общества, когда нужно было сдерживать какие-либо отрицательные черты своей природы. Не случайно, в порыве эмоций самым характерным жестом для мужчины было — рвануть ворот своей рубашки, и это не просто художественный образ. В праздничных рубахах тоже допускалось слегка расстегнуть ворот рубахи, это, по-видимому, облегчало необходимое расслабление от повседневных забот.

Так, в неброских деталях одежды, в ее покрое и способе ношения воплощались традиционные нормы нравственного поведения, которые, возможно, и определяли известный русский менталитет или самосознание.

Заслуживает внимания также принцип приоритетности правосторонности в одежде, что устойчиво сохранялось в традиционной одежде русских сибиряков. В верхней одежде и у мужчин, и у женщин в старину правая пола запахивалась наверх, что соответствует современному «женскому запаху». У рубахи-косоворотки разрез делался на левой стороне груди, также правой планкой наверх, чтобы удобнее было застегивать правой рукой, как и верхнюю одежду. При обувании полагалось первой обувать всегда правую ногу. Кроме того, лицевая сторона в одежде называлась «правой», а изнаночная — «левой». Наизнанку надевали одежду только в особых случаях: заблудившиеся в лесу, при гаданиях на святки и от сглаза. Так, в самом способе ношения одежды и обуви, даже

утратившей традиционные покрои и виды, сохранялись древние представления, в том числе, возможно, обусловленные биологически (роль правой руки) или исторически.

Таким образом, для жилища и одежды русских сибиряков Томского края в конце XIX—первой четверти XX вв. были характерны активные и сложные процессы взаимодействия различных традиций и выработка общих черт, при незаметном, на первый взгляд, сохранении некоторых древних представлений и поверий. Через простые понятия и вещи из повседневного быта воспитывалось уважение не только к наследию предков, но и к самим себе как продолжателям рода.

Бардина П. Е.
//Быт русских сибиряков Томского края. Томск. ТГУ, 1995. С. 204-210

Список использованной литературы

1. Лукина Н. Кто есть кто среди коренных жителей края // Северная звезда.- 1990. -29 марта.- С. 5
2. Храмова А. Селькупы // Заря Севера. -1998. -16 мая. -С. 2
3. Тучкова Н. Культура селькупов – почти образцовая экологическая культура // Нарымский вестник. -1995. -27 июля.- С. 2
4. Тучкова Н. А. Селькупы // Мы – томичи, ваши земляки, ваши соседи.-Томск. Томский областной антифашистский комитет, 2000.- с. 30-32
5. Тучкова Н. С кем поведешься, от того и наберешься // Нарымский вестник.- 1995.- 20 июля.- С. 2
6. Тучков А., Тучкова Н., Смердина Т. Селькупский этнографический музей в пос. Тюхтерево // Нарымский вестник. -2001.- 10 апреля.- С. 7
7. Барсагаев П. Нарымские шаманы // Красное знамя. -1992. -21 апреля.- С. 3
8. Кровякова М. Встречают по одежке // Северная звезда. -1994.- 17 февраля.- С. 3
9. Томилов Н. А. Чулымцы // Земля первомайская.- Томск: Изд. ТГУ, 2001.- с. 218-223
10. Храмова А. Эвенки // Заря Севера.- 1998.- 19 мая.- С. 3
11. Рындина О. Домашние ремесла коренных народов Западной Сибири // Сибирская старина. -1994.- №8(13).- С. 16-17
12. Яковлев Я. Сибирские «ниндзя» // Сибирская старина. -1994.- №8(13).- С. 9-10
13. Кудряшова Т. С Новым годом? Да! // Советский Север. -1991.-1 авг.- С.2
14. Бардина П. Е. Быт русских сибиряков Томского края. Томск: Изд. ТГУ, 1995.- 224 с.

Составитель: Ломова Е.
МБ «Фламинго»

Томск, пр. Ленина, 167
Тел.: 72-14-67
e-mail: flamingo@library.tomsk.ru